

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Иван Иванович
ДМИТРИЕВ

Избранные письма

ImWerdenVerlag
München 2006

СОДЕРЖАНИЕ по АЛФАВИТУ

А. Х. ВОСТОКОВУ.....	8
А. И. ТУРГЕНЕВУ	7
А. И. ТУРГЕНЕВУ	7
А. И. ТУРГЕНЕВУ	9
А. И. ТУРГЕНЕВУ	10
А. И. ТУРГЕНЕВУ	10
А. И. ТУРГЕНЕВУ	11
А. И. ТУРГЕНЕВУ	13
А. И. ТУРГЕНЕВУ	14
А. И. ТУРГЕНЕВУ	14
А. И. ТУРГЕНЕВУ	15
А. И. ТУРГЕНЕВУ	16
А. И. ТУРГЕНЕВУ <Отрывок>	9
А. С. ПУШКИНУ	22
А. С. ПУШКИНУ	23
А. С. ПУШКИНУ	26
А. С. ПУШКИНУ	27
А. С. ПУШКИНУ	28
А. С. ШИШКОВУ	17
А. С. ШИШКОВУ	18
В. А. ЖУКОВСКОМУ	5
В. А. ЖУКОВСКОМУ	19
В. А. ЖУКОВСКОМУ	26
В. А. ЖУКОВСКОМУ	29
В. В. ИЗМАЙЛОВУ	19
Д. И. ЯЗЫКОВУ	4
Д. И. ЯЗЫКОВУ	4
Д. И. ЯЗЫКОВУ	5
Д. И. ЯЗЫКОВУ	6
Д. И. ЯЗЫКОВУ	6
Д. И. ЯЗЫКОВУ <Отрывок>	4
П. А. ВЯЗЕМСКОМУ	11
П. А. ВЯЗЕМСКОМУ	12
П. А. ВЯЗЕМСКОМУ	15
П. А. ВЯЗЕМСКОМУ	20
П. А. ВЯЗЕМСКОМУ	21
П. А. ВЯЗЕМСКОМУ	22
П. А. ВЯЗЕМСКОМУ	23
П. А. ВЯЗЕМСКОМУ	24
П. А. ВЯЗЕМСКОМУ	28
П. А. ВЯЗЕМСКОМУ <Отрывок>	16
П. А. ВЯЗЕМСКОМУ <Отрывок>	17
П. П. БЕКЕТОВУ	3
П. П. и И. П. БЕКЕТОВЫМ	3
П. П. СВИНЬИНУ	25
ПРИМЕЧАНИЯ.....	31

П. П. и И. П. БЕКЕТОВЫМ

Петербург. 26 декабря <1787 г.>

Любезные братцы Платон Петрович и Иван Петрович. Здравствуйте, поздравляю вас **со вчерашним праздником**; ваша участь день от дня для меня завиднее. Будучи по несчастью поэт, я всякий день летаю воображением около вас и вижу, с каким свежим румянцем просыпаетесь вы около одиннадцатого часа, с какою живостию каждый с своей постели пересыпает друг к другу невинные шутки, сопровождаемые дружбой и смехом, пьете не торопясь чай или кофе, принимаетесь за свои упражнения, садитесь за жирный стол, а вечером играете в карты, ворожите, льете олово, резвитесь. Как же я живу? Езжу, сплю и езжу, а теперь вдобавок и без шеи: на левой стороне опухоль, так что не могу сегодня и во дворец ехать. Вчера вечером сидел при примерке на ногу шпор нового, отставленного с мундиром, баталионного командира, **Николая Дирина**, который того же дня обрадован был нечаянным приездом своего родителя. Как он счастлив; а я, может быть, с моими никогда уже не увижусь! Отец мне полюбился, а особливо его парик; представьте себе — выткан из одного гаруса в три ряда, по краям пукольками, точно колпак. Если б мне удалось переехать к вам, то непременно бы такой же себе сделал; но полно. Поцелуйте у тетушки ручку и поздравьте от меня с праздником. Брат Петр Петрович вчера был у меня; он, слава Богу, здоров. Простите.

Верный ваш брат и друг Иван Дмитриев.

П. П. БЕКЕТОВУ

Петербург. 25 ноября 1798 г.

Благодарю тебя, любезнейший мой братец Платон Петрович, за твое поздравление; уверен, что оно от сердца; благодарю равно и за книгу. Итак, **и я превосходительный!** Et moi, je suis peintre aussi!¹ **Но это титло возвратит ли мне брата**, которого кончина никак из мыслей моих не выходит? Успокоит ли мое сердце, возмущаемое непрестанным размышлением о последствиях сего удара? И меньше ли, наконец, я озабочен и бедностию? Поверишь ли, что принужден закладывать вещи, чтоб только как-нибудь протянуть до трети? Иногда занимаю по 5 и 10 руб. на содержание людей и лошадей, т. е. для удовлетворения уже не прихотям, но самым необходимым потребностям; а между тем старею, дряхлею и не вижу другой перспективы, кроме совершенной старости посреди нищеты, долгов и одиночества, а далее... придет, может быть, умереть так, что никто не услышит и последнего моего вздоха. Мне уже и досадно, что я разгустился и наведу, конечно, и на тебя грусть; однако ж не думай, что я стал меланхоликом во всей форме. Нет, мой друг, характер не переменяется, равномерно и мой, как его несчастья ни коробят: я грущу только, когда один, по утрам и вечерам; а в собраниях, разумею с приятелями, по-прежнему смеюсь и болтаю;

¹ И я, я тоже живописец! (фр.)

бываю в театре, на балах и везде показываю вид человека, по крайней мере, в бархатном кафтане. Прости, любезный милый мой друг, тысячу раз тебя целую.

Преданный брат Иван Дмитриев.

Д. И. ЯЗЫКОВУ

Москва. Декабрь 1803 г.

Милостивый государь мой Дмитрий Иванович. Письмо ваше и при нем **третий номер журнала** я имел удовольствие получить и спешу за то и другое изъяснить вам благодарность мою. Но долго ли вам потчевать меня гостинцами? Вы меня избалуете, мне, право, совестно. Я хочу подписаться на **«Петербургский журнал»**, **«Вестник»**, также и на ваше **«Периодическое издание»**; но как я не знаю, сколько за последнее вносят денег, то прошу вас сделать мне одолжение уведомить о цене его и позволить мне прислать их на ваше имя. Недавно я прочитал **«Рассуждение о старом и новом российском слоге»**. Не грех ли вам, петербургским, нападать на наших московских? Право, нам еще рано браниться. Но мне грустно далее о том говорить, лучше поздравляю вас с переменою чина; дай Бог, чтобы я чаще имел это удовольствие! А между тем прошу вас быть уверенным в душевном почтении, с которым есть и навсегда к вам пребудет покорнейший ваш слуга

Иван Дмитриев.

Д. И. ЯЗЫКОВУ

Москва. Декабрь 1804 г.

Чувствительно благодарю вас, милостивый государь Дмитрий Иванович, за доставление мне **Лингетовой «Истории»**; она хотя и без конца, но я очень рад, что ее имею; теперь прошу вас уведомить, сколько прислать за нее денег. Кто издает **«Северного Меркурия»**? Боже мой! сколько журналов! а борзых все еще мало. Но пусть пишут, я, право, рад, что у нас расписались. Простите, любезный Дмитрий Иванович, и любите искренно почитающего вас покорного слугу

Ивана Дмитриева.

Д. И. ЯЗЫКОВУ <Отрывок>

Москва. 9 февраля 1805 г.

Милостивый государь мой Дмитрий Иванович. Чувствительно благодарю вас за приятное письмо ваше и сообщение журнала, который, однако ж, я обратно к вам препровождаю. Не удивитесь этому, вот причина: денег у меня мало, а журналов много и у вас, и в Москве, и даже в Калуге; по привязанности моей к русской словесности, мне захотелось заглядывать в каждый журнал, и для того записался в **английский клуб**, где между прочими журналами имею удовольствие пользоваться и вашим. <...>

Д. И. ЯЗЫКОВУ

Москва. Июль 1805 г.

Милостивый государь мой Дмитрий Иванович. Тем с большим удовольствием получил письмо ваше, что оно утвердило меня в том мнении, которое я всегда имел о вашей деликатности; хотя такого рода критика, каковая помещена в журнале, не может быть чувствительна ни мне, ни Карамзину, но со всем тем не утерпишь, чтоб не сказать слова два о ваших витязях петербургской литературы. Что они сами? Пускай поставят в образец нам собственные произведения и научат писать лучше. И для чего скрывать свое имя? Вероятно, что такие писачки только и слышны будут в журналах. Вероятно, что и журналы с такою разборчивостью скоро прослынут не журналами, а калашнею, в которую сходится всякая сволочь бранить высших себя и тем отмщать за свое ничтожество. Карамзин очень благодарит вас за рукопись, и в доказательство прилагаю при сем его ко мне записку. Простите, будьте здоровы и верьте, что я с истинным почтением моим навсегда имею честь быть вашим покорнейшим слугою
Иван Дмитриев.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Москва. 15 ноября 1805 г.

Виноват я перед вами, любезный Василий Андреевич, что так долго не отвечал на письмо ваше. Вы можете легко отгадать, какая к тому была причина: недосуг от безделья, и сверх того я, право, думал, что вы сами скоро приедете. Радуюсь, что вы недаром живете в Белеве и нетерпеливо желаю видеть ваши произведения. Без вас я получил 10 томов «Petite encyclopédie poétique»¹, в которой собраны лучшие стихотворения от поэмы до дистиха. При каждом роде наставление, которое не худо бы вам перевести для вашей христоматии. Антон Антонович хотел купить эту книгу для вас, но опоздал. Что мне сказать о вашем вояже? Если б я умел рисовать, то представил бы юношу, точь-в-точь Василья Андреевича, лежащим на недоконченном фундаменте дома; он одною рукою оперся на лиру, а другою протирает глаза, смотрит на почтовую карету и, зевая, говорит: «Успею!» Это будет надписью под картиною. В ногах несколько проектов для будущих сочинений, план цветнику и песочные часы, перевитые розовою гирляндю. Я говорю часто об вас с милым Тургеневым; он искренно вас любит и не меньше моего желает вашего возвращения. Сколько здесь найдете вы нового, разумею, в нашей словесности. Лирик наш или протодьякон Хвостов беспрестанно кадит Гомеру и Пиндару и печет оду за одою. Друзья просвещения присоединили к тричисленному своему лику обер-секретаря Сандунова и с первою рыжею книжкою на будущий год пустят гром на русских путешественников и на все, где только встретят слезу и милое. По всему кажется, что не уйти и мне от их перунов, хотя я ни до слез, ни до сладкого не охотник. С другой стороны, князь Шаликов возлагает на надежный свой нос зеленые очки и объявляет себя «Московским зрителем». Жаль, что нет у него помощников. Впрочем, я уверен по крайней мере, что в журнале его не будет варварских пиес, какие в «Северном вестнике», в «Курьере» и в других. А любезный наш Карамзин терпеливо сносит жужжание вокруг себя шершней и продолжает свою «Историю». Он уже дошел до Владимира. Вот вам все здешние новости! Грудь моя не позволяет мне больше писать; итак, оканчиваю стариною, что искренно люблю вас и желаю вам совершенного благополучия. Прощайте, до свидания!..

¹ Малая поэтическая энциклопедия (фр.).

Д. И. ЯЗЫКОВУ

Москва. 10 января 1806 г.

Милостивый государь мой Дмитрий Иванович. Чувствительно благодаря вас за письмо и список, прошу вас принять поздравление мое с наступившим годом, с искренним желанием вам возможного в продолжение оногo благополучия. Очень любопытно видеть, каков-то будет **бывшй «Вестник»** по своем возрождении под новым именем? Шаликова журнал «Зритель» пошел неудачно. Он хотел во второй книжке поместить свою рецензию на некоторые уродливости графа Хвостова; цензоры наши университетские пропустили; Хвостов о том стал их страшать, что с глупости никогда пошлин не брали; они поверили и, взяв назад Шаликова тетрадку, написали на ней, что «хотя в ней нет ничего противного уставу о цензуре, однако ж, думаем, что напечатать ее не можно!» Почему же не можно, когда сами говорят, что законы цензуры тому не противятся? Между тем Хвостова притчу на меня **«Барыня и ткачи»** пропустили. Может быть, кн. Шаликов будет писать **к попечителю университета**. Если вы знакомы с Михайлом Никитичем Муравьевым, то не можете ли употребить ваше предстательство за бедного журналиста? Право, не много чести университету, если он будет запрещать критиковать тех, которые не имеют не только таланта, но даже здравого рассудка. Свидетельствуют то последние две оды Хвостова **«На победу»** и **«Зима»**, напечатанные в декабре «Друга просвещения»; желал бы я, чтобы вы прочитали ее. Этот поступок совсем новый в истории нашей словесности. Всякий подумает, что университет уважает не таланты, а графство. Державин великий поэт, но и на него писали критические замечания и печатали в «Собеседнике любителей российского слова». И что же после того будет в ободрение тем, которые не похожи на урода Хвостова, которого произведения, конечно, делают стыд нашей словесности. Я разгорячился, но, право, оттого, что люблю пользу и славу земляков моих. Простите, любезный Дмитрий Иванович, будьте здоровы, счастливы и продолжайте любить почитателя вашего Дмитриева.

Д. И. ЯЗЫКОВУ

Москва. Январь 1806 г.

Милостивый государь мой Дмитрий Иванович. Я уже предупредил вас о странном поступке университетского цензурного комитета против кн. Шаликова. Теперь дело решилось: комитет возвратил ему критику на сочинения Хвостова с запрещением печатать ее и с своими на нее замечаниями. Какие же они? Например, где у кн. Шаликова сказано: «В этом стихе нет смысла», там профессеры написали на поле: *«Неучтиво»*, где критик сказал: «Этот стих дурен», там они поставили: *«Оскорбительно»*, и так далее. Он на сей почте посылает эту критику с замечаниями к Михаиле Никитичу Муравьеву. Что ж значит теперь устав цензуры и самый департамент просвещения, если, вопреки видов правительства, критика будет стесняема, и что еще хуже, критика на дурных только сочинителей потому только, **что они пятого класса** и в ленте; если эти пачкуны, напротив того, будут еще ободряемы, ибо я слышал, что приказано будет в ученых «Московских ведомостях» расхвалить **Пиндаров перевод**, который нельзя бы похвалить и во времена Тредьяковского? Что мне лестного, наконец, быть членом академии, университета, когда всякий пачкун может быть моим сотоварищем! Недавно одного из них глупое рифмосплетение читали даже на кафедре университетской. Я не вытерпел и сделал мои замечания, равно как и на другую оду его, помещенную

в «Друге просвещения»; для любопытства при сем к вам посылаю. Увидите сами, стоит ли такой человек явного покровительства университета. Сделайте дружбу, Дмитрий Иванович, постарайтесь в пользу кн. Шаликова, а ежели нельзя уже напечатать критику его в Москве, так уведомьте меня, нельзя ли по крайней мере напечатать ее в петербургских журналах? Неужели у вас позволено щелкать только нас, бедных? Простите, будьте здоровы и продолжайте любить искреннего вашего почитателя и покорнейшего слугу

Ивана Дмитриева.

А. И. ТУРГЕНЕВУ

Москва. Конец апреля — начало мая 1806 г.

Любезный Александр Иванович. Без сомнения, вы уже видели строгую рецензию великого Каченовского на мои безделки. Что теперь вы скажете о связях, надеждах, любомудрии и счастья сынов человеческих? Давно ли этот муж [дедиковал мне свои переводы](#)? Давно ли признавал меня достойным своего одобрения?

А теперь вознес на меня грозный бич критики и желал бы в один миг уничтожить бедную мою славишку. Этого еще мало: хотел бы даже больно угрызть меня; вы это сами приметите. Я нимало не огорчаюсь тем, что он замечает мои погрешности в слоге, в языке, в приличности и проч. Это взаимность: я и сам, хотя не печатаю, но один на один говаривал ему, что нельзя писать, как он пишет, «заложить» вместо *завести* фабрику, ехать на корабле и пр., что не должно в русском журнале нападать на галлицизмы малоросийзмами. Замечать погрешности в сочинении, еще повторю, не только позволительно, но и полезно, и добросовестный писатель никогда не должен сердиться в таком случае на добросовестного своего критика. Но к чему вводить в критику личности, как, например, о спеси сенаторской? К чему посторонние, злые намерения? Если все таким образом будут журналисты наши писать, то наш литературный журнал будет не иное что, как [котомка, висящая на Пасквиновой статуе](#). Это все я говорю между нами: лишась по несчастию способа изъясняться [с милым Иваном Петровичем](#) (в рассуждении языка его), мне отрадно по крайней мере вместо него говорить хотя с милым сыном его. Господину же критику отвечать не намерен. Пусть он остается в сладкой уверенности, что властен управлять вкусом публики и раздавать свои венцы или отнимать их, когда захочет. Я уже давно уволен с Парнаса: топчи он сколько хочет мою книгу, лишь не мни подсолнечника в огороде моем. Право, я говорю это от всего доброго сердца с такою же искренностью, с какою любил и всегда будет любить вас покорнейший слуга

Иван Дмитриев.

А. И. ТУРГЕНЕВУ

Москва. 18 мая 1806 г.

Милостивый государь мой Александр Иванович. Вы дивитесь, что господин магистр Каченовский переменил ко мне свое высокоблаговоление. Чему дивиться? Он узнал меня короче, узнал более мои недостатки и уверился, наконец, что в русской литературе два только светила: он со стороны вкуса, а [Мерзляков](#) в поэзии. Но тонкий вкус его не уважает даже и в Мерзлякове лирического таланта, а восхищается от его

элегических выражений: «горемышно, ретиво сердце», «кто размыкает мою тоску», «горючи слезы глаза выплакали», «преточили стену каменну», и проч. К тому же он запасся творениями наших знаменитых поэтов Державина и Хераскова; к тому же он уверен, что мне защищать себя неприлично, а другие за меня не вступятся: всяк стоит за себя только.

Правда, я не следовал сему правилу, пища «Орел и Змея», «Осел и Кабан» и другие подобные пиесы. Но, может быть, поступок мой отнесут более к моей простоте и неосторожности.

Иные хотят уверить меня, будто и Мерзляков участвовал в этой критике; я и сам подозреваю тираду о характере горацевых сочинений быть его произведением, ибо слог этой тирады совершенно отличен от слога всей критики. Впрочем, я не досажую на него, если он и внушил Каченовского: он друг ему, а мне ничего. Теперь остается мне ожидать заключительного проклятия от петербургских журналистов и потом отдать пальму, посвятить себя служению одной Фемиде и забыть навсегда милую двадцатилетнюю привычку к стихокроплению и лестное ободрение публики. Вот какие чудеса может настроить один магистр!

Плюгавый выползок из гузна Дефонтена!

Но я слишком предался горячности оскорбленного поэта; важность судьбы полагает предел ей, а сердце велит вас обнять и уверить в искреннем почтении к вам покорнейшего слуги. Дмитриев.

Любезному [Дмитрию Николаевичу](#) скажите искренне мое почтение и благодарность.

А. Х. ВОСТОКОВУ

Москва. 23 декабря 1806 г.

Милостивый государь мой. Спешу изъявить вам искреннюю благодарность мою за честь, сделанную мне и письмом вашим и подарком. Я уже полюбил вас по трем или четырем пиесам, напечатанным во второй книжке «Свитка Муз»; с того времени сочинений ваших прибавилось, следственно, и любовь моя к вам должна прибавиться. Ода ваша «К фантазии» и «Царство очарований» исполнены прекрасными местами и носят совершенно печать очаровательной поэзии. [Перевод Руссовой кантаты](#) и [вольтеровой сказки](#) доказывают, что вы умеете чувствовать красоту и в других родах поэзии и владеть языком стихотворным. Вы предупредили мое желание, показав нам [опыты с разных размеров](#) греческих и римских. Мне давно хотелось, чтобы поэты наши пели не одним только ямбом и хореем: чем более перемен в музыке, тем более удовольствия для слушателя. Все показанные вами размеры приятны и в нашей поэзии, кроме горацианского, употребленного вами в пьесе «К Борею». По крайней мере он не так полюбился мне, как прочие. Вот, милостивый государь мой, все, что хотелось мне сказать на первый случай. Теперь позвольте мне кончить препоручением себя в дальнейшее ваше знакомство и уверением в неместном почитании, с коим навсегда имеет честь пребыть ваш, милостивого государя моего, покорный слуга

Иван Дмитриев.

А. И. ТУРГЕНЕВУ <Отрывок>

Москва. 24 октября 1809 г.

<...>Итак, ваши невские поэты наперерыв стремятся к храму бессмертия! **Сколько явилось трагиков**, и все незнакомцы! Какое отважное предприятие! Бывало, я дивился, как можно, **подобно великому Роде**, писать сам-пят, или сам-шест водевили, а наши земляки с такою же легкостью научились писать и самые трагедии! Не презирайте, однако ж, и наших стихотворцев. Алексей **Пушкин** перевел в одно лето «Федру» и «Гартюфа», а **Кокошкин** доканчивает «Мизантропа». Но лирики наши молчат; вероятно, **Пегас еще не отдохнул от вашего витязя**. Жадничаю читать оду его. Для меня нет посредственности: давай мне или самое прекрасное или самую пакость, и в последнем случае этот рифмач всегда меня интересует. Вы обрадовали меня, что **и при последнем мире будет нам доля**. У нас уже давно вся публика в ожидании торжеств и праздников, а между тем забавляется вашими актерами и **дансиорами**. **Жорж** будет в первый раз играть в следующую пятницу. Вот все наши новости. Оканчиваю стариною, что я душевно вас люблю и с совершенным почтением пребуду к вам навсегда покорнейшим слугою

Иван Дмитриев.

А. И. ТУРГЕНЕВУ

Москва. 6 июня 1817 г.

Милостивый государь Александр Иванович. Какой-то петербургский автор Карлевич прислал мне перевод свой сочинения г. Перро: **«Об основаниях естественного законодательства»** и еще **предначертание дневника «Отчелюбца»**, по объему (системе) собственного гения, в котором он обещает утвердить русский язык, очистя его от всего ему несвойственного. Я должен был благодарить его за оказанное мне внимание, но не знаю, ни как его зовут, ни куда надписать. По сей причине решился обратиться к вашей дружбе с покорнейшею моею просьбою, не можете ли вы узнать от **Геракова** или другого словесника о сем неизвестном рыцаре и доставить ему прилагаемое при сем мое послание, за что буду весьма вам благодарен. Москва наша день от дня более пустеет: все скачут в подмосковные; даже и стихотворцев нигде не видать. **Батюшков** давно в отлучке; князь **Вяземский у вас**; Староста уже с месяц в подагре, однако ж посещающим его неумоимо читает переводимую им басню, какую-то «Смоковницу». Хочет подарить ею «Общество любителей словесности», которое готовится праздновать **день своего основания**. Вероятно, этот день будет кризом его подагры. Подобные случаи всегда облегчали болезнь его. Простите, что праздный человек занял вас на несколько минут сим лепетаньем. Мне совестно было наполнить письмо одним Карлевичем. Будьте здоровы и всегда уверены в душевном к вам почтении вашего превосходительства покорнейшего слуги

Ивана Дмитриева.

А. И. ТУРГЕНЕВУ

Москва. 20 июля 1818 г.

Как я благодарен вам, любезный Александр Иванович, за приятные вести. От сердца рад, что **Батюшков достиг своего желания**. Счастливым климат Италии, конечно, будет иметь благодатное влияние и на талант его. Не меньше участвую и в добром **Дашкове**: теперь, хотя и будет скучать в карантине, так по крайней мере в шляпе с плюмажем. **Северин** не выходит у меня из мыслей. Я всегда не надежен был на его здоровье, теперь еще более. Василий Львович давно уже в отлучке. По обыкновению своему, он поехал в Козельск, навеститься о здоровье родной тетки. Платя долг наследника, может быть, уплатит что-нибудь и своим заимодавцам, а собранию любителей словесности новую басенку или преложение псалма.

Московский профессор письмом своим к редактору «Украинского вестника», вероятно, еще более остростит Антона Антоновича Антонского и утвердит знаменитость свою между пансионерами и чтецами английского клуба. Нет лучше ремесла журналиста: говорит что хочет, бранит, кого хочет, и нет апелляции, потому что журналисты сделали между собой союз, чтоб друг на друга ничего не печатать. **Калайдович** посылал замечание на одну пьесу К<аченовского>, и «Сын Отечества» не напечатал. **О положившем за брата белый шар** постараюсь довести до брата; что же касается до черного, я не дивлюсь тому: я помню, что он и за двадцать лет тому не соглашался. Если это не твердый характер, так по крайней мере упрямый норв.

Я писал вам, что с нетерпением **буду ждать вашего братца**, но он терпеливее меня. Я еще с ним не видался. Утешусь тем, что уверен в вашей ко мне любви, и повторю вам еще искреннюю **благодарность мою за Франка**. Оба брата чувствительно тронуты вашим благодеянием.

Затем, поручая себя в продолжение лестной для меня вашей дружбы, с душевным почтением пребуду навсегда вашего превосходительства покорнейший слуга
Иван Дмитриев.

P. S. Какая революция в нашей словесности! Читали ли вы **примечания казанского профессора** на превосходный перевод «Науки стихотворства» Хвостова, читали ли и **отзыв «Инвалида»** о превосходных замечаниях казанского профессора? Уверен, что господин Хвостов через год будет в лаврах.

А. И. ТУРГЕНЕВУ

Москва. 18 сентября 1818 г.

Нет, любезнейший Александр Иванович, я уже **не признаю вас Гриммом**. Тот не щеголял лаконизмом; свидетельствуют в том несколько толстых томов писем, в которых он говорил о драмах и балах, о Вольтере и об интригах, о сплетнях и политике. Я не требую от вас сведений по последним трем артикулам, но для чего бы не сказать слова три о себе, о вашем братце, о Карамзине и Жуковском, о Калайдовиче и Каченовском, словом, о состоянии нашей словесности, к которой еще не умерло сердце отставного поэта. Это пени только приятеля, любящего говорить с вами, хотя через письмо. Впрочем, чувствительно благодарю вас и за лаконические ваши строки. Скажите также искреннюю благодарность мою и **молодому Пушкину**; я и по заочности

¹ «Воспоминания аббата Жоржея» (фр.).

люблю его, как прекрасный цветок поэзии, который долго не побледнеет. Почтенный дядя его недавно читал мне несколько начальных стихов о том же предмете. Не знаю, что еще выйдет, но он исполнен священным негодованием, зияет молнией и громом говорит. **Если вы будете писать к Дмитрию Николаевичу Блудову**, убедительно прошу вас уверить его в моей благодарности за «*Mémoires de l'abbé Georgel*»¹ и сказать ему, что я буду еще более обязан, если он пришлет мне и остальные томы.

Душевное почтение вам и **братцу**. Вашего превосходительства покорнейший слуга Иван Дмитриев.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Москва. 7 октября 1818 г.

Тысячу благодарностей за последнее ваше письмо, любезный князь Петр Андреевич, и за обещание прислать **журнал Польского сейма**. Я очень желаю иметь его в числе политических книг. По расселении друзей моих и приятелей по разным странам света Москва сделалась для меня совсем чужбиною. Боюсь, чтобы Каченовский и вдосталь не охолодил меня к ней: он решительно посягнул на кроткого историографа, хочет следовать за ним шаг за шагом; ученое войско его без сомнения будет многочисленно, не считая чтецов всяких книжек, которых он легко может склонить также на свою сторону. А историографа берется защищать один только Василий Львович своим **бильбоке**, яко Давид своею пращю!! Все прочие други и приверженцы прижались с нежностью к своим творениям. Слава и честь бескорыстному, усердному рыцарю!

Шутки в сторону, кто бы из нас за пять лет мог представить себе, что Карамзин будет говорить **речь в торжественном собрании** Русской Академии, которая так долго не хотела усыновлять его, которой **президент** так долго и много писал против его. А **профессор Московского университета**, искавший некогда его знакомства единственно по уважению его таланта, почитавший его образцовым для себя писателем, не клянется быть гонителем славы его, и когда же? В то время, как Франция, Германия обратили внимание свое едва ли не в первый раз к русскому автору! В то время, когда присный Николая Михайловича, возлюбленный сердцу его родственник, благочестивый **князь Андрей Петрович** начальником университета!!!

Не знаю, известны ли вы, что преосвященный Филарет и Жуковский предложены к избранию в члены Русской Академии. Вчера получил я требование моего согласия — разумеется, что я дал от всего сердца. <...>

А. И. ТУРГЕНЕВУ

Москва. 17 октября 1818 г.

Милостивый государь и любезнейший Александр Иванович. Благодарю вас от всего сердца за дружеское ваше письмо. Спешу вас уведомить, что я исполнил **ваше поручение** и вследствие того посылаю вам при сем копию с указа Синодальной конторы и еще несколько строк, отрезанных от письма ко мне Николая Ивановича. Вы чувствительно одолжите меня доставлением переписки аббата **Галиани**. Знав его остроумие, я очень любопытен читать ее. Что же касается до портретов, то мне хотелось только иметь иллюминированные в овальном кругу Руссо и Вольтера, которых у меня

нет, то я был бы вам очень благодарен. Работа их не важна, но мне хочется их иметь потому только, чтоб они были под пару Франклину, Лафонтену и пр. Согласен с вами, что **эпиграммы, хотя и не дурны**, но я от Вяземского привык ожидать большего; да и сам Вяземский пишет ко мне, что Каченовского надо бить не эпиграммами, а летописями. А я думаю, что можно бы одним письмецом укротить его. Здесь нетерпеливо ждут **первую книжку «Вестника»**, в которой обещают разобрать вступление «Российской истории». Многие распускают слух, будто журналист делает это в угодность **министру просвещения**. Я очень понимаю, что министр не может, да и не должен, запрещать рецензии, но не поверю тому, чтоб он захотел позволить журналисту употреблять сарказмы на счет заслуженного и лучшего писателя, которыми наполнено письмо из Лужников. Однако ж это есть, и остается сожалеть об участи наших писателей или о состоянии нашей словесности. Простите, любезный Александр Иванович. Будьте уверены в душевном к вам почтении преданного

Ивана Дмитриева.

P. S. Перечитывая письмо, я сам почувствовал, как оно писано нескладно и вяло; словом, совсем не по-авторски; извинюсь только тем, что пишу тотчас после обеда и под шумок гостей моих.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Москва. 23 ноября 1818 г.

Милостивый государь мой князь Петр Андреевич!

Спешу изъявить вашему сиятельству искреннюю благодарность мою за милое ваше письмо и доставление мне книги. Я желал иметь одну реликвию, а получил три; можно ли же не быть довольным старому судье, который уже привык требовать *многих* и *крепких* доводов? К тому же еще и с одой, и с портретом принца с простреленною рукою!

Еще большую приношу благодарность за **прекрасные ваши стихи**, сообщением которых одолжил меня добрый Тургенев. Без лести скажу вам, что я признаю их одним из лучших ваших произведений: они дышат остроумием и всеми прелестями поэзии. Вы увидите на конце письма, которые стихи особенно мне понравились.

С нетерпением буду ожидать жалобницы **Лас-Казаса**, не забывая и прежде прощенной книги. Между тем, избалованный снисхождением вашим, еще покорнейше прошу вас уведомить меня, можно ли в Варшаве купить **«Dictionnaire historique, par un Société des gens des Lettres»**¹ (помнится, в 13 томах) последнего издания; что он стоит, и можно ли надеяться верно получить его? «Вестник Европы» превосходен, назидателен и русской, а все что-то тянет к иностранной словесности!

Вероятно, вы уже прочитали и тот № «Вестника», в котором даже **вспомнили и палевые сливки**: какая глупая злоба! Карамзин имеет причины молчать, но нельзя не удивляться, что никто за него ни слова; никто говорю, из тех, которые смогли бы и должны были осрамить буйную дерзость. Где же возмездие человеку с талантом за все то, чем он жертвует для пользы и славы отечества. Наша публика еще ребенок: долго ли Каченовскому свихнуть ее, если все будут пред ним безмолвствовать? Как ни скромно вы отзываетесь на счет польской словесности, но, виноват, я думаю, что в Варшаве более бы нашлось защитников Красинского или Нарушевича.

---

¹ «Исторический словарь, выпущенный обществом литераторов» (фр.).

Сколько ни писать, а должно кончить старым припевом: «Когда же мы вас увидим?» Не хочу желать противного вашим пользам и вкусам; но не могу не желать иметь удовольствие скорее обнять вас в Москве. Между тем, с отличным почтением и искреннею приязнию навсегда пребуду вашего сиятельства покорнейший слуга
И. Дмитриев.

P. S. Прошу вас поцеловать за меня ручку княгине [Веры Федоровны](#) и уверить ее в благодарности моей за семена, равно как и в отличном моем почтении.

А. И. ТУРГЕНЕВУ

Москва. 8 декабря 1818 г.

Извините меня, милостивый государь Александр Иванович, что я почтою позднее благодарю вас за дружеское ваше писание. Откладывал до получения Суворова портрета, однако ж и по сие время не получил его. Батюшков второпях позабыл, что обещал мне и портрет Шатобриана. С нетерпением ожидаю от вас речи Карамзина. Любопытен также видеть и обещаемое в «Сыне Отечества», хотя и не знаю автора. Вчера было и у нас торжественное собрание [в обществе любословесников](#); торжественным назвал потому, что чтению предшествовало пение каких-то стихов. Заседание открыто речью Антона Антоновича Прокоповича-Антонского, который по обыкновению своему сказал несколько слов о 1812 годе. Потом заметил, что надо сочинить лучшую грамматику; надобно показать пример эпистолярному и историческому слогу, которых мы еще не имеем; надобно даже поправить и слог новейших проповедей, обрати его к первым источникам, к слогу древних духовных книг; распространялся о пользе критики и все сии подвиги возлагал на собрание, состоявшееся из Василия Львовича, [князь Петра Ивановича](#), Шатрова, [Болдырева](#), [Дружинина](#), Мерзлякова, Каченовского и пр. За ним профессор Мерзляков читал трактат о пользе словесности и критики; князь Шаликов гимн давно минувшей весне; Василий Львович почти пел о подвигах последнего, следственно любимого, своего детища Печенег и читал чужие стихи; Кокошкин вместо отсутствующего [Филимонова](#) оплакивал смерть какой-то Нины. Калайдович разбирал Ломоносова «Вечернее размышление» и наконец чтение заключено было кладбищем, не помню, которого члена.

Чтоб дать вам дальнейшее понятие о новостях московской литературы, выписываю объявление последнего номера наших «Ведомостей»: «Новости русской литературы или собрание сочинений и переводов в стихах и прозе лучших авторов, как-то: Княжнина, князя Кутушева, Вельяминова-Зернова, Львова, Ключарева, Руссова, Соковнина, Воейкова, Грузинцева, Каменева, Смирнова, Колосова, Крюкова, Политковского, Волкова, Глебова, Ишимова, Чебышева, Воронцова, Санти, Яновского, Первова, Кириченко-Остромова, Перольта, Попова, Трунина, Лузанова, Полякова, Экартсгаузена, де-Сент-Ламберта, Шиллера, Коцебу, Каракчиоли и проч. 14 томов, в Университетской типографии. Цена 50 руб.». [Счастливые провинциалы!](#) Сколько для них новых знакомцев. Мудрено ли Каченовскому с такою дружиною богатырей сделать страшную оппозицию, которою он в последней книжке грозит старомодным авторам, пользовавшимся добрым мнением публики! Простите и пр.

А. И. ТУРГЕНЕВУ

Москва. 19 мая 1819 г.

Это был для меня счастливый час, любезнейший Александр Иванович, в который вы захотели говорить со мною с большею охотою и откровенностью, и за то благодарность вам от всего сердца. С большим удовольствием читал я пленительную [вашу апологию](#), но, признаюсь, не могу последовать вашему эгоизму, хотя и свойственному только умному и доброму человеку. Тупой или злой журналист столько же мне противны, сколько глупый судья или наглый буточник, употребляющий во зло алебарду свою. И те и другие могут быть вредны. — Следственно авторы с талантами должны, содействуя правительству, каждый по своим силам одних вразумлять, других обуздывать; должны утешать тем, что эта скучная обязанность есть жертва патриотизму.

Нетерпеливо желаю узнать последнее [произведение оригинального и истинного поэта Вяземского](#), которого, конечно, не затмит и молодой Пушкин, хотя бы талант его и достиг до полной зрелости. Между тем, буду очень сожалеть, если [предшествовавшее](#) останется под спудом; сожалеть, не об нем, конечно, и не об Вольтере. Я могу соглашаться с [Нонотом](#) и в то же время отдавать справедливость гению в том, что произведено им прекрасного и полезного. Сожалеть также и о том, если [новая должность Николая Ивановича](#) заставит его отложить издание журнала. Уверьте его в моем почтении.

Как счастлив Батюшков под голубым небом [Авзонии](#)! Однако ж не лишайте его сведений о плодах отечественного огорода. Пошлите к нему [«Некоторые мысли о сущности басни»](#).

[Отечества и дым приятен!](#)

Недавно был я у вашей матушки; она нетерпеливо хочет вас видеть. Поверьте, что вам будет рад и пребывающий к вам с душевным почтением и пр.

А. И. ТУРГЕНЕВУ

Москва. 8 марта 1820 г.

Милостивый государь, любезный Александр Иванович. Миллион благодарностей за ваши два письма и доставление книг [от любезного поэта](#). Надеюсь, что вы не откажетесь одолжить меня доставлением к нему прилагаемого при сем письма, когда вы сами будете писать к нему. Вечная память доброму и честному [Вейдемейеру](#). Предчувствую, что [ровесник мой](#) не замешкает прислать ко мне стихотворный свой плач по сему случаю. Читали ли вы [IV номер «Благонамеренного»](#)? Мне кажется, в первой пьесе, под заглавием «Рассказы Лужницкого старца», присланной из Москвы, мечено на Николая Михайловича. Какие скареды! В бессилии своем начали опять перебирать «Московский журнал» и вытаскивать оттуда фразы и речения, примешивая, может быть, и фразы Шаликова и Макарова, Измайлова, и все это, конечно, в угодность Каченовскому!! До чего дойдет наша литература, если вся молодежь, еще зыбкая в своих понятиях, обольстится внушением зоила, которого она уже и так признает своим оракулом; если и вперед ни цензоры не будут пропускать, ни журналисты добровольно печатать никаких возражений против неприкосновенного крохобора? Когда это продолжится, то легко может кончиться тем, что [Кутузов](#) признан будет Пиндаром, Хвостов — Вергилием, а [Черепанов](#) — Тит Ливием. Случилось ли вам читать в третьем

томе его «Древней и новой всеобщей истории» о войне 1812 года? Трудно поверить, чтоб это было писано нынешних времен профессором. Чем нападать на единственного у нас Карамзина, лучше бы исправить своего собрата. Простите, любезный Александр Иванович, если я вам наскучил, а может быть, и смешным кажусь. Чувствую сам, что лучше бы молчать, подражая великодушному Карамзину. Но это выше сил моих: невольно волнуясь и киплю от всего низкого и несправедливого. С душевным почтением преданный вам

Иван Дмитриев.

Р. С. Всякую назначенную для пересылки книгу я прошу вас предварительно давать [Наталье Яковлевне](#).

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Москва. 16 марта 1820 г.

От всего сердца спешу принести вам, милостивый государь князь Петр Андреевич, чувствительную благодарность мою за прекрасную вашу [эпистола](#) и за вашу ко мне благосклонность, весьма для меня лестную. По моему патриотизму, по моей еще не погасшей любви к изящной словесности и ненависти ко всему плоскому и подлому, мог ли бы я утерпеть, чтоб так долго щадить господство у нас худого вкуса, покровительствуемого цензурою, невежество многих читателей, верующих всему, что ни скажут Каченовский и Мерзляков? Давно бы я одурачил наших книгопродавцев и покарал составителей сборников, называемых у нас журналами; но, увы! всему есть одна только пора; моя уже прошла, и мне остается одна только надежда на силу истинного таланта, который, вопреки ученых кафедр, восстающих на него журналистов и раболепного стада слушателей и читателей, идет безвредно своим путем и все преодолевает.

В IV книжке «Благонамеренного» напечатаны рассказы Лужницкого старца, в которых выставлены многие фразы из «Московского журнала». Не сладя с «Историей», начали тормозить «Русского путешественника»!! Но мне даже стыдно продолжать о том.

Простите, любезный князь! Верьте искренним чувствам отличного почтения, которые навсегда к вам сохранит преданный вам

И. Дмитриев.

А. И. ТУРГЕНЕВУ

Москва. 18 августа 1820 г.

Чувствительно благодарю вас, милостивый государь Александр Иванович, за [ваше письмо](#) и доставление приятных [стихов В. А. Жуковского](#) и последней строфы Воейкова. Она прекрасна и точь-в-точь, первые же две не стоят и пересылки. [Жаль, что он оставил университет](#), не получа достойного возмездия за перевод «Садов» и «Века Людовика XIV». Он уже одними этими двумя переводами гораздо более заслуживал академических кресел или отличия, чем многие.

Пожелайте [Василью Андреевичу от меня счастливого пути](#) и скорейшего к нам возврата. Надеюсь, что он, побывав в отчизне [Шиллера](#), [Клейста](#), а может быть, и [Виланда](#), воспламенит нас обещанной поэмой во вкусе «Оберона».

Ежели Греч будет журнал свой издавать на прежних правилах, то не пособит ему ни Воейков, ни прочие. Одни хорошие стихи, сколько ни напишай их в тетрадку, еще не составят журнала. Журналист не есть *дрягиль*, чтоб не сказать хуже, который обязан только сваливать с спины своей в типографию чужие тюки. Он должен и сам мыслить, должен быть патриотом, наблюдателем, литератором, умеющим писать легко и приятно, строгим оценщиком в словесности и беспристрастным посредником в авторских тяжбах, а не деспотом, как Каченовский, который сам бранит и глумит сколько хочет, а возражений не принимает. Досадно, что Вяземский пустился по двум дорогам и сам себе мешает. Вот мой герой! Он один только у нас мог бы выдавать журнал, похожий на европейский. *Положение Николая Михайловича* и его семейства мешает мне быть свободным. Сделайте одолжение, не откажитесь уведомить меня об нем. Я не пишу к нему потому только, что теперь ему не до моих писем. Доселе я уважал только С. С. Уварова, а теперь, узнав ближе, полюбил его и уважаю вдвое. С теми же чувствами к вам прекращаю мое письмо и пребуду навсегда и пр.

А. И. ТУРГЕНЕВУ

Москва. 19 сентября 1820 г.

Благодарю вас, любезнейший Александр Иванович, за доставление прекрасной речи. В то же время получил и от Северина другой экземпляр. Буду теперь ждать перевода и вздыхать о той книге, которою вы меня подразнили. Она засела у милого Николая Михайловича и, увы, может быть, уже дойдет когда-нибудь до меня, хотя и в той же легкой одежде, но довольно поношенной. Кто поссорил меня с Воейковым, будто я сердит на него, что он расхвалил молодого Пушкина? Не только не думал о том, но еще хвалил его, что он умел выставить удачнее самого автора лучшие стихи из его поэмы. Я не критиковал и прежних образчиков, а только давал вам чувствовать, что по предварительной молве ожидал чего-то большего. Напротив того, в разборе Воейкова с удовольствием увидел два-три места истинно пиитические и в большом роде. Пушкин был поэт еще и до поэмы. Я хотя и инвалид, но еще не лишился чутья к изящному. *Как же мне хотеть унижать талант его?* Нетерпеливо хочу знать об Николае Михайловиче. Всякий раз болезнь его не на шутку меня пугает. Преданный вам
Иван Дмитриев.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ <Отрывок>

Москва. 18 октября 1820 г.

<...> Что скажете вы о нашем «Руслане», о котором так много кричали? Мне кажется, это недоносок пригожего отца и прекрасной матери (музы). Я нахожу в нем очень много блестящей поэзии, легкости в рассказе: но жаль, что часто впадает в *бюрокск*, и еще больше жаль, что не поставил в эпиграфе известный стих с легкою переменю: «*La mère en défendra la lecture à sa fille*»¹. Без этой предосторожности поэма его с четвертой страницы выпадает из рук доброй матери.

Равно сожалею и о том, что наши журналисты все еще не научатся критиковать учтиво. Воейкова замечания почти все справедливы; но в этом случае и он сравнялся с прочими. Для них все равны: и Пушкин, и Катенин, и Карамзин, и звенигородский городничий Микешин.

¹ Мать запретит дочери читать ее (фр.).

А вы пожалейте о наших московских поэтах и приятелях. Князь Шаликов возвратился из уезда больной, и не на шутку. Вскоре потом и Пушкин столкнулся опять с подагрой. Вы можете представить хлопоты [Антон Антоновича](#): на них только и была надежда к первому заседанию словесников.

Придется и кончить сожалением, что не могу сообщить вам лучших вестей. Между тем искренно желаю скорейшего с вами свидания и пребуду навсегда с отличным к вам почтением вашего сиятельства покорнейший слуга Иван Дмитриев <...>

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ <Отрывок>

Москва. 3 февраля 1821 г.

<...> Чувствительнейше благодарю вас, любезнейший мой поэт, за письмо ваше от 17-го минувшего месяца, и винюсь перед вами, что не упредил вас моим письмом. Давно горел желанием писать, но все ожидал, какое будет последствие вашей эпистолы... Наконец, могу вас уведомить, что [эпистолу вашу один Пушкин](#) всем и каждому в клубе читает, брыжжет и всхлипывает от умиления: [другой Пушкин](#) не опробует, вероятно, потому только, что встречает в ней имя, давно ему противное; московский [поэт В...](#) того же мнения; а [Каченовский напечатал ее](#) в третьей книжке своего сборника и прибавил к ней свои замечания, с которых препровождаю к вам при сем копию.

Что же касается до меня, то вы отгадываете, что я читал ее еще с большим чувством и удовольствием, нежели с каким обыкновенно читаю ваши произведения; отгадаете также и причину тому. От начала до конца ведена прекрасно; полна рассудком и остротою (а не *остротами*, как говорят петербургские авторы) и поэзией. Сожалею только, что не удалось увидеть ее прежде печати: тогда бы я попросил вас сделать самые легкие поправки в трех и четырех стихах, не более. А именно: [Под острие тупого жала](#). [Щепетильный](#) — *насмешки острые*, etc. Я заметил, что многие, читая сии два стиха, останавливаются и не скоро схватывают мысль вашу. Также убедительно прошу вас, как старый и присяжный рифмач, не пренебрегать исправными (по-технически) *богатыми* рифмами. Кончу тем, что цель вашей эпистолы делает честь вашему благородному сердцу, а исполнение — вашему дарованию. Вчера я писал к Карамзину и шутил на счет сделанного ему сюрприза. Верно, вам не миновать журбы его. Но да постыдятся Батюшков и Жуковский! Они не имели вашей энергии подать *по-авторски* явно свой голос в пользу первого нашего автора: они оробели восстать на его оскорбителя, а не критика, — оробели потому только, чтобы самим не попасть под его критику. А им надлежало поступить иначе: публика наша еще сама на себя не полагается. Смелость *в печати* всегда покоряет ее. Прибавьте к тому, какое направление дает это малодушное молчание, с одной стороны, и наглое оскорбление талантов, с другой, незрелым умам юношества. Какое развращение будет для вкуса, сколько еще прибавится у нас пачкунов в литературе! <...>

А. С. ШИШКОВУ

Москва. 22 мая 1821 г.

Милостивый государь Александр Семенович. [Я не позабыл поручения](#), которым ваше превосходительство изволили почтить меня чрез письмо ваше в минувшем году;

молчал же до сего времени потому только, что дожидался окончания перевода вергилиевых «Георгик». Мне хотелось, чтоб первое мое предстательство было за труд не весьма обыкновенный в нашей словесности и достойный, даже по одним усилиям, внимания любословов. Наконец, перевод сей совершен, напечатан, посвящен императорской Российской Академии, и я, по желанию переводчика, имею честь при сем препроводить к вам, милостивый государь, одного два экземпляра: один на имя императорской Академии, другой же для собственной библиотеки вашего превосходительства.

Может быть, угодно будет вам, милостивый государь, получить некоторое сведение о состоянии переводившего? Семен Егорович Раич служит кандидатом при императорском Московском университете и скоро надеется поступить на степень магистра. Он прежде обучался в Орловской семинарии, под руководством родного своего брата преосвященного Филарета, бывшего в оной ректором, а ныне управляющего Калужскою епархией. Приятно мне присовокупить к тому, что сей молодой человек соединяет в себе все качества, которые способны питать и усиливать дарования прямого автора, и не суетен в образе жизни; при основательном просвещении своем, отлично скромн, доволен малым; и главные занятия его досугов состоят в постоянном изучении классических поэтов римских и италианских, которых язык знает он совершенно, и в преподавании детям благородных семейств уроков в русской словесности. Что же касается до самого перевода, я не позволяю себе сказать о нем ни слова. Он будет сам говорить за себя и с почтительным покорством ожидать от просвещенного судилища своего приговора. Между тем, с совершенным моим почитанием и преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга

Иван Дмитриев.

А. С. ШИШКОВУ

Москва. 26 июля 1821 г.

Милостивый государь Александр Семенович. Я не обманулся в моей надежде: ваше превосходительство отдали всю справедливость таланту г. Раича и не упустили заметить его погрешности. Весьма справедливо ваше негодование на новизны, вводимые новейшими нашими поэтами. **Я и сам не могу спокойно встречать** в их (исключая одного Батюшкова) даже высокой поэзии такие слова, которые мы в детстве слышали от старух или сказывальщиков. *Вот, чу, притом, теплится, юркнул*, и проч., стали любимыми словами наших словесников. Поэты-гении заразили даже смиренных прозаистов, даже и самый «Вестник Европы» без предлога *вот* не может дать ни живости, ни силы, ни приятности своему слогу. С нетерпением буду ожидать от вашего превосходительства дальнейших замечаний на перевод «Георгик» и не преминую сообщить их переводчику, дабы он, при втором издании, мог ими воспользоваться к усовершению своего перевода. Между тем с искренним почтением и преданностью имею честь быть, и проч.

Иван Дмитриев.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Москва. 18 февраля 1823 г.

Не знаю, чему я более обрадовался, любезнейший Василий Андреевич, портрету ли Гете, или вашему письму, так давно не получая от вас ни строчки; но искренно уверяю вас, что и портрет и письмо подарили меня прекрасным днем, и я спешу принести вам за них благодарность мою от всего сердца; теперь кстати повторить вам то же чувство и за ваши гравюры видов Павловска.

Они, право, для меня драгоценны, и как приятный отдых таланта, и как залог давней нашей приязни. Желательно, чтоб вы не поленились выгравировать и виды вашего альбома. **Напрасно, милый поэт, хотите оживить самолюбие в старике**, который, право, и в лучшую пору жизни немного думал о своей поэзии. Может быть, я имел некоторый успех в механизме стиха, в живости рассказа; может быть, пользовался в свое время некоторым преимуществом пред водяными стихотворцами, но, истинно, и тогда был недоволен собою, чувствуя сам скудость в глубоких идеях, чувствах и воображении. Не искушайте же моей слабости и оставьте меня дочитывать чужое и легко наслаждаться. Пускай неутомонный Хвостов гуляет на своем пароходе по Ледовитому океану и коптит Аполлона. **Что же касается до записок**, я часто и сам помышляю о них и в то же время робею. Карамзин давно отчаял меня сочинять в прозе; однако ж, не во гнев его таланту, может быть и примусь за прозу, если удастся мне пожить на просторе в деревне. — Увы! я вспомнил, что **Шаховской** дописал свои записки в подмосковной, а мне уже за 60 лет, и нет еще начала. Наконец, всею душою обнимает вас искренний ваш почитатель и преданный вам

И. Дмитриев.

P. S. Долго ли мне желать и не иметь вашего портрета, который, как сказывал мне А. И. Тургенев, не знаю почему заарестован Уваровым? Убедительно прошу вас, подарите мне.

В. В. ИЗМАЙЛОВУ

Москва. 7 августа 1825 г.

Милостивый государь мой Владимир Васильевич. Чувствительно благодарю вас за милое и обязательное ваше писание. Оно доставило мне удовольствие на минуту будто с вами беседовать.

Карамзин хотя и не хвалится своим здоровьем, жалуясь, что оно мешает ему работать с прежнею деятельностью, однако ж в минувшем месяце **посещал** Новгородские поселения (вероятно, в угодность государю) и был весьма обласкан их начальником, а потом пировал на Петергофском празднике. Я не премину порадовать его дружеским вашим воспоминанием.

Насчет первых двух томов **записок г-жи Жанли** я совершенно с вами согласен. Вчера получил я из Петербурга еще две части; кажется, и в них та же болтовня о мелочах; но я надеюсь, что последние четыре будут занимательны.

Здесьние французские книгопродавцы в большом унынии. Петербургская цензура стала еще строже. **Не пропускает ни Вольтера, ни Прада, ни Байрона, ни Аннюра политического**, ниже известного вам романа «Дон Алонзо», — но между тем, к удивлению моему, пропущено **новое издание Белева словаря**, в 8-ю долю, в 14 томах.

О нашей словесности и говорить нечего. Так много скопилось у нас гениев, что они от тесноты почти задохлись и чуть шевелятся, а прочие **фолликулёры** друг друга

бранят или хвалят. На сих днях Московский университет получил нового попечителя в особе А. А. Писарева.

Наконец скажу вам о себе, что я в июне побывал в отчизне. Три части записок моих кончены. Первая уже и переписана набело. Теперь занимаюсь примечаниями ко всем частям.

Надеюсь, что и вы, почтенный В. В., оплатите мне вашею откровенностью: я нетерпеливо желал бы видеть плоды и ваших занятий. Если вы между прочим написали или напишете стихами или прозою в роде мелких произведений, то прошу вас сообщить ко мне и позволить отдавать их в «Телеграф». Издатель этого журнала хотя еще и не натерел в слоге, но умнее других и приближается более к европейскому журналисту. Бодрствуйте и любите искренного и преданного вам почитателя

Ивана Дмитриева.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Москва. 5 июля 1826 г.

Не укоряю вас, любезнейший князь Петр Андреевич, за слезы, пролитые мною при чтении вашей приписки: я чувствовал в них какую-то отраду. Вы не ошиблись. Здесь, конечно, нет ни одного, кого бы я мог назвать своим сочувственником в отношении к моей потере. Узнав о ней, я и не ожидал получить от вас скоро письма. До того ли вам было? Поцелуйте за меня ручку Катерине Андреевне и уверьте, что я всем сердцем благодарю ее за обязательный ответ, вторичным же письмом, и так скоро, совещусь растравлять ее горести. Поклонитесь и милым двум дочерям ее. По чувству моему к покойнику, право, и я им всем родной. В другое время опечалил бы меня назначенный вами срок возвращения, а теперь, напротив, сам желаю, чтобы вы сколько можно долее пробыли с ними.

Кончина примиряет со всеми: даже и Каченовский напечатал в своем «Вестнике» переведенную им статью из «Journal de St-Petersbourg». Писарев же (попечитель) везде отыскивает бюст, в намерении поставить его в зале Исторического Общества, а Иванчину-Писареву заказал сочинить похвальное слово. Оно уже у меня, но я не совсем доволен. Он же написал и эпитафию:

Сограждан слава, мудрых честь,
Бессмертный в подвигах писателя, витии,
Успел отчизне ты великий дар принести.
Покойся, орошен слезами всей России!

Один только вы, любезнейший князь, можете принести достойную дань милому и незабвенному Карамзину. Несмотря на ваше предварение в письме к Жихареву, Полевой не удостоил меня своей доверенности.

Скажу, наконец, о себе, что я очень хилею: нервные припадки усиливаются. К прежним печалям наступили еще новые: экономка моя, служившая мне с лишком 25 лет с редким бескорыстием и усердием, при смерти. Не стыжусь признаться, что разлука и с нею нелегка для меня будет. Сколько испытаний в толь короткое время, и в каком положении! Когда только и отрады надежда, что друг или испытанный приверженец смежит глаза и похоронит. Каково же, когда нет ни того, ни другого! Полно. Заочно обнимает вас любящий всюю душою И. Дмитриев.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Москва. 6 ноября 1830 г.

Письмо ваше, любезнейший князь, я имел удовольствие получить на другой день после того, как посылал в ваш дом навеститься об вас и вашем местопребывании. Итак, мы вспомнили друг друга в одно время! Стало, есть в нас сочувствие, и потому письмо ваше утешило меня вдвое противу всех прежних.

Искренно рад, что у вас благополучно; и у меня в доме, благодарение Промыслу, доселе также. **Первые дни или лучше недели посещения холеры** были тяжки и для морали, и для физики. Я пытался развлекать себя выездами, куда можно; но везде только и слышал о холере; по улицам встречаешь пасмурные лица с закутанными ртами, иногда же и четвероместную карету с двумя назади или на козлах полицейскими; тощая тройка тащит ее тихим шагом. В клубе отказ обедать и ужинать; комнаты опустели; даже и Айгустова ни однажды не видел; находишь только пять, шесть старожил в средней комнате, по-старому, за картами.

Это решило меня заточить себя в пределах нашей улицы: дни проводишь дома, где **после утреннего отчета Погодина** и Маркуса могу несколько часов забывать о холере, слушая рассказы милой К. о Бонапарте и умных головах обоего пола, а вечером у **ближайшей соседки**, с которой взял слово больше одного раза не упоминать о холере. Впрочем, все по-старому. На прошедшей неделе я от одного отца приглашаем был в крестные отцы, а от другого — быть посаженным.

Но перейдем лучше к вашим кабинетским занятиям. Да поможет вам добрый и пытливый ваш ум скорее дописать **биографию Фонвизина** и **приняться за историю нашей словесности**. Это, скажу без лести, ваше дело; это было бы не **послужной список Новикова и Греча**, но полная и обдуманная критическая история. Боюсь только, виноват, романтической ереси. Я сам часто желал, чтобы кто из наших образованных и беспристрастных авторов сделал выбор из старых наших прозаиков и поэтов в хронологическом порядке, начиная от Кантемира до Карамзина. В этой работе не отказался бы и я быть вашим помощником.

Как живой покойник **боюсь взять вашу сторону в пользу моих учителей**: однако ж, вспомня тогдашние способы к просвещению и вместе постоянство и разнообразие в важных занятиях Ломоносова, трудолюбие Тредьяковского, игривое воображение Сумарокова, Майкова и Богдановича, благородные и постоянные усилия Хераскова, — поневоле почтешь их великанами в сравнении с нынешними поэтами и прозаиками, для которых и один томик всякой всячины — Атлантово бремя.

Я разделяю словесность нашу на 4 периода. 1-й начинается от Кантемира, характер его: усилия приблизить книжный язык старинный к новому светскому; 2-й — от Ломоносова: то же стремление в начале, а с половины периода колебание в выборе слога, ложное понятие о высоком слоге, но вообще постоянное трудолюбие, старание следовать правилам изящного вкуса, изобилие в оригинальных сочинениях и любовь к переводам иностранных отличных сочинений; 3-й — от Карамзина: счастливое усовершенствование языка, лучшие формы, строгая точность в словах и мыслях, ясность в изложении оных и благозвучие в слоге; 4-му, настоящему, нет имени: это анархия, рабское обезьянство новизнам иностранным, холопской язык, мечтание о мечтательности или бессильное стремление производить в читателях судороги, отрицание принятых правил и вкуса и наглое презрение к предшествовавшим авторам, исключая графа Хвостова, которого **«Петербургский Меркурий»** недавно назвал северным соловьем, **сравнил его с германскою певицею**. Этот период я очень живо представляю в лице Полевого, или **Ушакова**, или Х., которой достоверное изображение увидите в прилагаемой при сем книжке.

От Дашкова нет никаких слухов; вероятно, он задержан в Рязани или сидит в карантине. От Карамзиных получил только два письма из Петербурга. Жаль, что не удалось мне увидеться с ними. Когда-то увижусь даже и с вами? Неизвестность еще более страшна для семидесятилетнего. В надежде на авось прошу вас сказать мое почтение княгине и быть уверенным в сердечном к вам почтении и привязанности. Сии чувства сохранит до последнего вздоха преданный вам И. Дмитриев <...>

А. С. ПУШКИНУ

Москва. 3 января 1831 г.

С душевною благодарностию принимаю ваш драгоценный подарок, милостивый государь Александр Сергеевич, и между тем нетерпеливо буду ждать минуты, в которую могу повторить вам лично мою благодарность и пожелать вам возможного благополучия на всю жизнь вашу. Обнимает вас преданный вам Дмитриев старый.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Москва. 13 января 1831 г.

Очень охотно посылаю вам при сем, любезнейший князь Петр Андреевич, «Телескоп», «Молву», и 2 № «Дамского журнала». «Литературной газеты» не послал, в уверенности, что вы ее прежде меня получили. Я уже четвертый день в жестокой простуде: вчера весь день икал; не знаю, что сегодня будет со мною. Молодым людям можно временить и отсрочивать, а мне не мудрено и очень сродно желать скорее увидеться с теми, кои по сердцу. День мой — век мой. Недавно получил от милой княгини Мещерской письмо, а от Катерины Андреевны с ноября ни строчки: боюсь, не досадует ли на меня за отказ писать стихи на день ее рождения! Куда мне гоняться за романтиками и собирать *сор душевных впечатлений* и *мусор ветреной молвы*, как собирал некогда великий Шевырев в альбом его богини.

Признаюсь, что из всех наших романтиков уважаю и люблю и ум, и талант, и сердце Пушкина и князя Вяземского. Это говорит, право, сердце, еще не простывшее к изящному, несмотря на 70 лет и вчерашнюю икоту.

Вчера была у меня дочь покойного Измайлова и вверила мне все рукописи отцовские. Надеюсь найти в них много достойного для помещения в журналах. Пора кончить. Итак, до свиданья. Заочно вас обнимает преданный вам и умом, и сердцем

И. Дмитриев.

P. S. Хорошо было бы, любезнейший князь, если бы в «Литературной газете» поразговорились об наших просвещенных печатальщиках или издателях и в укор им дали знать, что ни один из московских ни за что не хотел взять оставшиеся сочинения Измайлова, отызаясь, что на него нет моды. Хвала петербургским: там и Хвостов попал в моду, и издатель его уже в 4-й раз говорит об нем в предисловии.

А. С. ПУШКИНУ

Москва. 1 февраля 1832 г.

Милостивый государь Александр Сергеевич. Всем сердцем благодарю вас за альманах и за все прекрасные цветы собственной вашей оранжереи, равно и за песнь «Онегина», хотя я вздохнул, что она последняя и герой ваш отложил путешествие свое по любезной отчизне.

Не скажу с «Пчелою», что вы ожили: в постоянном вашем здоровье всегда был уверен; изменение только в том, что вы, благодарение Фебу, год от года мужаете и здоровеете. Ваши «Годунов», «Моцарт и Салиери» доказывают нам, что вы не только поэт-Протей, но и сердцеведец, и живописец, и музыкант. До сих пор после Карамзина (в старинных его мелких стихах) один только Пушкин заставляет меня читать белые свои стихи и забывать о рифмах.

Но старческая искренность и говорливость заставили меня позабыть и приговор Полевого о нашей братье ветеранах. По крайней мере я еще жив для чутья к изящному. Оно увлекло меня.

Закрываю столь же искренним уверением в совершенном почтении, которое навсегда сохранит, милостивый государь, покорнейший ваш слуга

Иван Дмитриев.

P. S. Дозвольте попросить вас сказать мое почтение вашим родителям и любезному Василью Андреевичу.

Я еще прочитал прекрасные стихи его уже в печати с прежним чувством умиления и благодарности за себя и моего друга. Благодарю его также и за новейшую поэзию его в альманахе и «Европейце».

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Москва. 9 апреля 1832 г.

Любезнейший князь Петр Андреевич!

И я мешкал моею перепискою, чтобы не начать ее пустословием; ибо нечего другого и ждать с Патриарших прудов от старика, уклонившегося даже и от Аглинского клуба, вскоре по принятии оным била реформы.

Теперь же с простертыми руками прижимаю вас к сердцу и приветствую с достижением светлого праздника; искренно желаю вам встретить и проводить его так же весело, как и сырную неделю, но не падать с качели, ниже скользить по паркету.

Благодарю вас за сообщение новостей, хотя не совсем новых, и прошу поблагодарить любезного Александра Сергеевича за третий том его стихотворений. Как нарочно случилось, что я за несколько часов до получения оногo был очень обрадован прикупкою шести книжек «Онегина», которого сбереглись у меня только две книжки: 1 и 8. Теперь придется прикупить 1-ю и 2-ю стихотворений, ибо я довольствовался первым изданием в одной книжке, не зная о новом. Я не вытерпел прочитать еще раз «Моцарта и Салиери». По этому, говоря модным языком, созданию признаю я и мыслящий ум, и поэтический талант Пушкина в мужественном полном созрении.

Пока не успел писать к ним, усерднейший поклон почтенной Катерине Андреевне, милой Софье Николаевне и всему семейству; также и милому, во всем неизменному, кроме здоровья, и искренно мною любимому Василью Андреевичу; скажите ему, что я всем сердцем желаю, чтобы он был и здоров по-прежнему, и продолжал

утешать нас, даже позволяю и пугать своею лирою, на всех тонах целомудренной и благозвучною.

Прошу вас также сообщить мой усердный поклон, приветствия с праздником [двум новым министрам](#) и сказать, что я вспрыгнул от радости, узнав о их наименовании, и по влечению сердца хотел бы поздравить их на письме, но посовестился затрудить их ответом.

Окончиваю душевным почтением и нежною приязнию, которую навсегда сохранит преданный вам Дмитриев. <...>

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Москва. 5 января 1833 г.

От всего сердца [благодарю вас, любезнейший князь Петр Андреевич](#), за [милое ваше письмо](#) и взаимно приветствую вас [с достижением не только нового года, но и нового звания](#). Оно для царедворца гораздо существеннее и благозвучнее, чем *по разным поручениям*. При первой вести о том, я уже мысленно поздравил высокопочтенного виц-президента, но замешкал исполнением того письменно или письмом, все в ожидании от вас вопросов на счет задуманной биографии.

Итак, благое Провидение судило и мне дожить до нового года. И я, не отставая от Фамусовых и прочих, сподобился встретить его подобающим образом: накануне пошел на блистательном бале и в двух маскарадах, дворянском и немецком, а в первый день выехал из дома в смиренном фраке, с благодарным чувством выслушал обедню и умную проповедь в приходской церкви и возвратился восвояси; отправил, куда следует, карточки, заглянул в первый номер «Московских ведомостей», послушал в них [адажио и фугу двух провозвестников новолетия](#) — известных чиновников парнасской внутренней стражи; порадовался за степного помещика [дородности нового календаря](#) и полюбовался выпавшими в дар и на мою долю из урны нашей словесности билетом в «Телескоп», [вторым томом «Орланда», «Системою преподавания словесности»](#). Обедал же и провел весь день до ночи в трех шагах от дома, у соседки.

Вот вам верный отчет в моем суточном существовании. Остается просить вас засвидетельствовать глубочайшее мое почтение княгине Вере Федоровне и желания мои ей со всем семейством возможного благополучия на многие годы.

Когда вы будете писать к В. А. Жуковскому, то не забудьте уверить его, что я искренно люблю его и уважаю и всем сердцем желаю ему совершенного выздоровления; маленькому же [Гримму можете при случае сказать, что я был и есть все тот же](#); но он сам хотел казаться не тем же. Заглядывал к нам только из благопристойности. Мы, конечно, не [Балланши](#), не [Шатобрианы](#), но все-таки были бы ему паристее, нежели красные девушки, в беседе которых он только и находил удовольствие. Прибавлю еще, что я и теперь люблю его по-прежнему и не перестану желать, чтоб он скорее возвратился и способности свои посвятил на полезную службу отечеству. [Насилу до-сказал](#) — итак, до свиданья с любезным виц-директором.

Р. С. «Телеграф» год от году распространяет свое влияние; и всем ценсорам, как они сами отзываются, запрещено пропускать на него критики, а ему разрешается и ныне глумить над Карамзиным и его почитателями, с презрением говорить о дворянском сословии и классицизме. Чего же ожидать вперед от нашей словесности? Молодость удобопреклонна. И так уже половина словесников по милости Полевого и семинаристов заговорила языком лабазов. <...>

Москва. 11 февраля 1834 г.

Милостивый государь Павел Петрович. Всем сердцем благодарю вас, что вы вспомнили отсутствующего и посреди столичной возни, суматохи и тысячи сует житейских. Не ожидал бы я столь кратковременного сияния воздушного метеора. Услыша о том, конечно, вздохнет ученый редактор «Ученых записок Московского университета». Вот как он отозвался в седьмой книжке ученого журнала о появлении первой огромной книжки, или первого тома «Библиотеки для чтения»: «Вот, поистине, библиотека для чтения поучительного, полезного и занимательного!.. «Библиотека для чтения» может служить образцом правильного, чистого, прекрасного родного языка, а потому она не только заменяет многие иностранные журналы, но и доставляет особенную, важнейшую пользу со стороны отечественного слова». Какую же пользу, увидим из следующего. Вместо благозвучной, сильной и отчетливой прозы Карамзина, за исключением статей господ Греча, Булгарина и еще немногих, большая часть прозаических сочинений и переводов, помещенных в «Библиотеке для чтения», писана вялым, неровным слогом и наполнена пошлыми, неправильными предложениями, подслушанными на биваках, на рынках и в лабазах; в доказательство чего приведу здесь несколько слов, которых еще не позабыл. Вместо *пока* — *покамест*; *надобно* — *надо*; *дребезжать* — *дребезжеться*; *мелочи* — *мелочности*; *дурацкий* — *дураческий* (хотя *contes drolatiques*¹ — детские и не дурацкие, а вздорные, балагурные), вместо *отрывки* или *обрывки* — *обломки*, чего же? большой, почти истлевшей, *эпической поэмы* скандинавов, как будто эта поэма писана была на стеклянных или мраморных досках! Даже и сочный бифштекс превращен ныне в *сочистый* на новом нашем языке. Прибавим еще к тому часто употребление исковерканного французского слова — *серьезно* и даже *пресерьезно*. И все это ученый редактор журнала, издаваемого первенствующим у нас университетом, стражем и охранителем чистоты русского слова, предлагает ученикам своим в образец изящного! Удивление наше уменьшится, если вспомним, что ныне и у нас много завелось нового и многое не по-старому; если вспомнить, что и петербургский профессор *Плаксин* в курсе своей русской словесности называет исторический слог Карамзина идилическим, а корреспондент Академии наук — Полевой уже давно огласил чопорным и пользуется привилегией торжественно карать и миловать ветеранов словесности; что отцы и матери говорят с детьми своими всегда на чужом языке; что даже и кормилицы, русские крестьянки, переняли говорить вместо «режутся зубы» — «делаются зубы»; что русские, напротив того, учителя, студенты и семинаристы приучают малюток, будущих камер-юнкеров и фрейлин, говорить поплощадному, вместо «он или она» — «они», а вместо «их» — «ихний». *Мудрено ли же и поляку*, пользуясь настоящим ходом нашего воспитания, захотеть лишить нас доверенности к коренным нашим летописям, уверить нашу молодежь, от младенчества поработенную умом иноземцев, что язык наш происходит от чухонского, что история наша бестолковая сказка, что мы доселе не можем признавать себя иначе, как непомнящими родства. Что же мы? Откуда мы? Это откроется впрямь гениальному поколению XIX столетия. Да возрадуются отцы и чады! Поздравляю их с этим счастьем, а я бездетен и уже на шаг от могилы. Хотел бы знать, что думает почтенный *Александр Семенович* о всех новизнах в нашей словесности? Жаль, что он шевелил некогда Карамзина, вдвое же, что уже отдыхает перо его; теперь-то бы ему и подвизаться. Рад бы служить вам сообщением каких-нибудь подробностей касательно библиотек Вольтера и Дидрота, но, право, никаких не знаю. По мне, гораздо бы полезнее было разобрать и описать рукописи Ломоносова, купленные С. К. Орловым и

¹ Забавные сказки (фр.).

хранящиеся, вероятно, в Академии или Эрмитаже. Они могли бы пригодиться для его биографии, которой, к стыду нашему, еще не имеется. Что же касается до вашего Музеума, искренно поздравляю с добрым купцом и советую не упускать его. Столько же благодарю вас и за куплеты. За исключением седьмого, они мне понравились. Пора кончить. Может быть, я уже вам наскучил; по крайней мере уверьтесь из того, что мне всегда весело и охотно говорить с вами. С искренним почтением к вам и м. г. Надежде Аполлоновне имею честь быть покорнейшим слугою И. Дмитриев.

А. С. ПУШКИНУ

Москва. 4 марта 1835 г.

Милостивый государь Александр Сергеевич. Не хочу верить, чтоб невинная моя шутка в письме к Андрею Николаевичу Карамзину принята была вами **за действительную вам укоризну**. Это было бы для меня крайне прискорбно. Но хорошо, что я с молодых лет держусь философии **Панглоса**: все к лучшему. Книги вашей еще и теперь не получил, но твердо надеюсь получить ее, а вдобавок к тому еще утешаюсь и тем, что мнимый упрек мой доставил мне удовольствие пробежать несколько строк любезнейшего из наших поэтов, за что от всего сердца благодарю его.

Благодарю также и за добрую **весть о моем сверстнике**, приятно мне слышать о двойной благостыне его (*charité* — извините). Что же касается **до свежей нашей потери**, она весьма, конечно, всем нам чувствительна, но я соглашаюсь с вами и с старинной пословицей: «Святое место не будет пусто».

Почитет Соколов, **но бдит еще Языков**.¹

И на что лучше его в преемники? Работящ и любознателен, к тому же и к новизнам не падок.

Впрочем, с искренним моим почтением и преданностью имею честь быть, милостивый государь, покорнейшим вашим слугою
Иван Дмитриев.

P. S. Если любезные ваши родители в Петербурге, то прошу вас сказать им искреннее мое почтение; то же **Катерине Андреевне** с ее семьею и В. А. Жуковскому.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Москва. 13 марта 1835 г.

Милостивый государь Василий Андреевич. Сколько я благодарен вам за вашу тетрадку, и как она дошла до меня кстати, — в то самое время, когда я очень огорчен был, что редакции «Ученых записок» воспрещено принимать биографию покойного историографа, будто за приложенные к ней письма, служащего к вечной славе писавшего и того, кто был им удостоен. Но теперь я вами утешен. Читая и перечитывая письмо к Каподистрии и собственные ваши строки, я будто еще смотрел на моего друга, будто с умилением слушал, — минутное обольщение, последуемое грустью и вместе какою-то отрадою! Добрейшая душа! Не мудрено вам так верно постигать и

¹ Прозаик.

изображать нашего незабвенного: вы сами во многом на него похожи. Заплата достойную дань своему веку, окажите же вместе с Пушкиным услугу и нашей словесности, как истинные ее представители; **не дайте восторжествовать школам Смирдина и Полевого над языком Карамзина**. Он, очевидно, теряет свое господство. Большая часть наших писателей, забыв его слог, благозвучный, отчетливый в каждой фразе и каждом слове, украшают вялые и запутанные периоды свои площадными словами *давным-давно, аль, словно, коли, пехотинец, закорузлый, кажись* (вместо *кажется*), *так как, ответить, виднеется*, — с примесью французских *серьезно и наивно*. Такие и подобные слова нахожу я не только в легких, но и в тяжеловесных сочинениях новейшего времени. Радуюсь, что у нас для усовершенствования языка есть Академия и что прибавляются университеты, но значительного влияния их, к сожалению, не примечаю. Скажу еще и более: я даже начитал в одной учебной книге и ученом журнале, что **один профессор называет Карамзина слог идиллическим**, а другой признает слог Сенковского образцовым в силе, красоте и правильности русского слова. К кому же остается прибегнуть, как не к вам, представителям (еще повторю) нашей словесности! Остановите порчу отечественного языка, если не хотите получить упрека в неумышленном союзе с Францией. Не испугайтесь! Так Франция убила благородный наш язык в домашнем быту высшего сословия. У кого теперь перенимать его нашим детям? Научатся ли ему у семинаристов, или в лакейской и девичьей? Я, право, иногда боюсь, чтобы мужики наши не заговорили по-французски, а мы *по-ихному*¹. Да мне уже и удалось подслушать на улице пьяного каменщика, приветствовавшего своего товарища: «бонжур, мусье», а в гостиной крестьянку-кормилицу; она, поднося к ее сиятельству двухлетнюю Додо или Коко (не помню), толкала ее в затылок и повторяла: «скажи, матушка, мерси, мерси». Даже и детская благодарность к матери должна быть выражаема на чужом языке! Но пора избавить вас от моего многословия. Итак, прощайте, почтенный и любезный Василий Андреевич. Напомните обо мне Катерине Андреевне с ее семейством и Наталье Яковлевне. Искренно желаю и вас и их еще увидеть. Может быть, и увижусь? С сею надеждою и душевным к вам почтением и приязнию пребуду навсегда, милостивый государь, и пр.

И. Дмитриев.

А. С. ПУШКИНУ

Москва. 10 апреля 1835 г.

Милостивый государь Александр Сергеевич. Наконец и моя русская библиотека красуется новым плодом любимого нашего автора! Сердечно благодарю вас за приятный **гостинец** и за ваше хотя и церемонное, но не меньше обязательное надписание.

Сочинение ваше подвергалось и здесь разным толкам, довольно смешным, но никогда дельным: одни дивились, как вы смели напоминать о том, что некогда велено было предать забвению. Нужды нет, что осталась бы прореха в русской истории; другие, и, к сожалению, большая часть лживых романтиков, желали бы, чтоб «История» ваша и в расположении и в слоге изуродована была всеми припасами смирдинской школы и чтобы была гораздо погрознее. Но полно, ныне настает время не желчи, а ликования.

Приветствую вас с продолжающимся праздником, искренно желаю по следам наших предков *всесемейно* провести его благополучно, и между тем с совершенным

¹ Это выражение употребляется не только в большом свете, но уже найдено мною в двух книгах: в **йориковом коране** и в «Путешествии» академика Зуева.

почтением и преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев.

P. S. Кто же секретарь Академии?

А. С. ПУШКИНУ

Москва. 5 мая 1836 г.

Милостивый государь Александр Сергеевич. Знаю по себе всю **важность вашей потери** и на сей раз могу только сказать: всем сердцем сожалею об вас и об **Сергее Львовиче**.

Между тем чувствительно благодарю вас за билет на «Современника» и за первую книжку, не смею сказать — оного. Но ваше щедролюбие усовещивает мое корыстолюбие и возбудило во мне бесплодное желание и помолодеть и поумнеть наравне с вами или хотя с кн. Вяземским и **Языковым**, чтоб самому быть достойным вкладчиком в «Современника» и не даром получать его.

Я люблю хвалить авторов в третьем лице, а потому и ограничиваюсь теперь немногими словами: журнал сам расшевелил и освежил меня на целую неделю и заставил позабыть сводных братьев своих.

Знает ли Василий Андреевич, что он на **«Ночном смотре»** получил одинакое вдохновение с каким-то Зейдлицом? Сообщаю вам перевод и стихов Зейдлица. Он давно уже сделан, но до сих пор лежит в портфеле у переводчика.

Прощайте, любезный Поэт, бодрствуйте духом, украшайте нашу словесность и уговорите Сергея Львовича побывать с вами на вашей и его родине.

В этой надежде, с искренним почтением и преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугой

И. Дмитриев.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Москва. 18 декабря 1836 г.

Посылаю к вам, любезный князь Петр Андреевич, и последнюю выписку. Предоставляю и ее в полное ваше распоряжение, но только с тем, чтоб не выдавать меня на старости лет моих в случае нападков на меня от смирдистов, если вы заблагорассудите поместить **посылку мою в вашем сборнике**. По крайней мере в извинение неисправности моего слога можете сказать им, что я не классик, не романтик, ни даже вдохновенный, а просто смиренный самоучка, прогулявший всю молодость свою зевакою в цветниках поэзии. Но поможет ли это мне в оправдание, когда, по словам «Телеграфа» и **«Живописнаго обозрения»**, и Карамзина язык устарел, и проза Жуковского, бесспорно, должна быть поставлена выше Карамзина прозы, как истинное, безыскусственное выражение глубокого чувства, до чего не достигал Карамзин?

К слову о «Телеграфе» сообщу вам литературную заметку о «Молве» в последних, помнится мне, книжках «Телескопа»: издатель ее, некто **Белинский**, объявляет, что попался ему случайно старинный перевод шекспировой трагедии «Юлий Цезарь» и что он не мог надивиться исправности перевода и уму неизвестного переводчика в

книге, напечатанной за 30 лет до нашего гениального времени. В радости же от этой находки сообщает читателям и [предисловие переводчика](#), нимало не подозревая, что этот «Юлий Цезарь» переведен и выдан *Карамзиным* — с коим «Телескоп», как и «Телеграф», не очень симпатизировал — почти в одно время с «Эмилией Галотти», лессинговой трагедией, еще до его путешествия. Но еще более подивимся тому, что и [А. Ф. Воейков](#), давний почитатель Карамзина и неутомимый [преследователь двух рыцарей нашего времени](#), также не знал имени переводчика и его предисловие перепечатал как диковинку в своих «Литературных прибавлениях». Передайте ему эту заметку: авось он объявит имя переводчика «Юлия Цезаря» новому антикарамзинскому поколению.

[Я держусь новизны](#), как слова, освященного уже давностями и, вероятно, академическим словарем, а *новиною*, сколько помню я, наши низовые только старухи называли новые холсты, льняные и посконные.

Но мне совестно занимать вас такими пустяками, между тем как давно хочется спросить вас о здоровье Катерины Андреевны и ее семейства. Еще в ноябре поздравил их с двумя именинницами, но с тех пор ничего об них не слышу. Я, право, не привязчив к условиям этикета, а хочу только успокоить себя на счет здоровья Катерины Андреевны и ее семейства.

До свиданья, обнимает вас от всего сердца преданный и любящий вас
И. Дмитриев.

Р. С. Почтенному [Гримму Балланшвичу](#) или Балланшевичу прошу вас передать мой нижайший поклон и сказать ему, что у нас на святках ожидают бал за балом.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Москва. 26 марта 1837.

Чувствительно благодарю вас, милостивый государь Василий Андреевич, за обязательное ваше [письмо и милый подарок](#), для меня истинно драгоценный. Это новый залог вашей постоянной ко мне приязни. Миловидной Ундины вашей в праздничном платье, тотчас по свидании с нею, отведено место на круглом столе против старческих кресел, пока совершенно не ознакомлюсь с нею; а [восемь томов](#) будут бессмысленно лежать подле меня на других креслах, с тем, чтобы каждое утро за кофейным прибором прочитывать мне из них что-нибудь случайно или по выбору. «Читать, что нравится, а видеть — кто мне милы»... Чего более и чего лучше для 75-летнего тунеядца? Это было бы роскошью и для красных дней моей юности; но тогда, в поэтическую весеннюю пору, я только учился маршировать по влажному полю Волжской деревушки. К чему же это пригодилось? Да к чему и это отступление? Итак, прошу извинить мою старость. Уже лет 10 тому, как я прельщался игривостию ума и воображения даже во французском, прозаическом переводе «Ундины» и очень желал, чтобы кто из наших богатырей подарил нас и русским, но только в стихах, переводом — и вот, наконец, сбылось мое желание, и я (благодарение Фебу и его любимцу) уже читаю в звучных и живописных стихах: «робко Ундина прижалась к Гульбранду» и остальных до конца пятой главы, или: «город лежал перед ними в лучах восходящего солнца» — слышу, вижу и осязаю, так сказать, поэта вдохновенного. Не доказывает ли это, что я совсем не враг и вашему гекзаметру? В руках мастера всякий метр и легок, и гибок, и благозвучен. Но, виноват, и теперь стою в том, что александрийский стих для меня превосходнее: он столько же удобен к помещению полного смысла, как и гекзаметр;

но сверх того преимуществует тем, что как-то свойственнее нашему языку, музыкальнее, и скорее будет затвержен читателями обоего пола. Похож ли на наковальню, по словам «Северной пчелы», столь быстрый и сильный Петрова стих:

Речет: да гибнет враг — и сходит быстра мечь!
Да грянет гром — гремит! да будет мир — и есть...

Менее ли гекзаметра полон и силен весь монолог отца Пимена? Читая «Годунова», вспомню ли о рифмах, и нужны ли они Жуковскому и Пушкину?.. Тяжело, а часто будем вспоминать его, любезный Василий Андреевич. Думал ли я дождаться **такого с ним катастрофа**? Думал ли я пережить его? Поденные Тургенева записки, два письма Вяземского и ваше так врезались и в памяти и в сердце моем, как будто и я был всему самовидец, и на меня же еще было возложено приготовить **отца** к разразившемуся над ним удару! Но грустно и ныне продолжать о том. Попеняю только вам, что вы позабыли в числе опекунов оставить первое место **деду**, как ближайшему к сиротам; да, вероятно, не знали и того, что покойник не был отделен, а пользовался только годовым доходом, по отцовскому произволу, с одной из собственных деревень его. Не худо бы это поправить, иначе же и самого старика сочтут под опекой. Он ничего не говорит о том, но другие уже толкуют о том, для чего он отчужден от опекуна. До свидания, почтенный и любезный Василий Андреевич.

ПРИМЕЧАНИЯ

Дмитриев вел переписку с огромным количеством людей, многие из его писем до сих пор не опубликованы, многие не сохранились (в том числе утрачены все письма к Карамзину). Публикуемые письма и отрывки из писем отражают прежде всего литературные интересы Дмитриева; они печатаются по изданиям: к А. С. Пушкину — «Переписка А. С. Пушкина». М., 1982, т. 2; к П. А. Вяземскому — «Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому». СПб., 1898; прочие письма — Дмитриев И. И. Сочинения в 2-х т. СПб., 1893, т. 2.

П. П. и И. П. Бекетовым. 26 декабря 1787.

Адресовано двоюродным братьям.

...со вчерашним праздником... — рождеством.

Николай Дириин — видимо, неточность, и имеется в виду Н. И. Дивов, вышедший в декабре 1787 г. в отставку в чине полковника.

П. П. Бекетову. 25 ноября 1798.

...и я превосходительный! — Дмитриев был назначен действительным обер-прокурором.

Но это титуло возвратит ли мне брата... — А. И. Дмитриев умер в октябре 1798 г.

Д. И. Языкову. Декабрь 1803.

Д. И. Языков (1773—1843) — литератор, переводчик, служил в департаменте просвещения (с 1802); с ним Дмитриев поддерживал деловые отношения.

...третий номер журнала — видимо, «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения» (1803—1819).

«*Петербургский журнал*» — «Санкт-Петербургский журнал» (1803—1809).

«*Вестник*» — «Северный вестник» (1804—1805);

«*Периодическое издание*» — «Периодическое сочинение...» (см. выше).

«*Рассуждение о старом и новом слоге российского языка*». СПб. 1803 — труд А. С. Шишкова.

Д. И. Языкову. Декабрь 1804.

...Лингетовой Истории... Линге С.-Н.-А. (1736—1794) — французский публицист, адвокат. О какой книге Линге идет речь в письме, не вполне ясно.

«*Северный Меркурий*» (1805, вышло 5 номеров) издавался В. Ф. Вельяминовым-Зерновым.

Д. И. Языкову. 9 февраля 1805. <Отрывок>.

...английский клуб — открыт в 1772 г. для дворянской элиты.

Д. И. Языкову. <Июль 1805>.

...критика, каковая помещена в журнале... — Сатира Я. А. Галенковского (1777—1815), помещенная в тексте его литературно-критической статьи за подписью И. Г. («Северный вестник», 1805, ч. 6); здесь осмеяны Карамзин, Дмитриев, А. С. Шишков, С. А. Ширинский-Шихматов, П. И. Голенищев-Кутузов, П. И. Шаликов и др.

В. А. Жуковскому. 15 ноября 1805.

Сближение с В. А. Жуковским (1783—1852) произошло после переезда Дмитриева в Москву (1799); почти 40 лет они поддерживали дружеские отношения. Осенью 1805 г. Жуковский жил в Белёве.

«*Petite encyclopédie poétique*» — Париж, 1804, поэтическая хрестоматия в 12 т.

...для вашей хрестоматии. — Задуманное Жуковским «Собрание русских стихотворений» (М., 1811—1816; 6 т.).

Антон Антонович — Прокопович-Антонский;

...о вашем вояже? — Жуковский собирался в 1806 г. отправиться за границу вместе с А. Ф. Мерзляковым (замысел не осуществился).

Тургенев — Александр Иванович. См. ниже.

Друзья просвещения — издатели «Друга просвещения» (1804—1806) П. И. Голенищев-Кутузов, Г. С. Салтыков, Д. И. Хвостов.

Сандунов Н. Н. (1768—1832) — драматург, обер-секретарь 6-го департамента Сената;

...пустят гром... — Начиная с 1806 г. «Друг просвещения» повел систематическую борьбу с «чувствительной» литературой; одним из главных объектов критики был П. И. Шаликов, издававший в 1806 г. журнал «Московский зритель»;

...варварских пиес... — см. комм. к июльскому письму 1805 г. к Языкову;

...в «Курьере»... — «Московский курьер» (1805—1806), издатель С. М. Львов.

Д. И. Языкову. 10 января 1806.

...бывший «Вестник»... — «Северный Вестник» в 1806 г. был переименован издателем И. И. Мартыновым в «Лицей»;

«Барыня и ткачи» — «Друг просвещения», 1805, ноябрь;

...к попечителю университета — к М. Н. Муравьеву.

«На победу», «Зима» — «Друг просвещения», 1805, декабрь.

Д. И. Языкову. <Январь 1806>.

...что они пятого класса... — чин статского советника; имеется в виду Д. И. Хвостов.

Пиндаров перевод — «Творения Пиндара». М., 1804, пер. П. И. Голенищева-Кутузова.

А. И. Тургеневу. Конец апреля — начало мая 1806.

А. И. Тургенев (1784—1845), сын И. П. Тургенева, брат декабриста Н. И. Тургенева, друг Карамзина, Жуковского, Вяземского; постоянный петербургский корреспондент Дмитриева во второй половине 1810-х — начале 1820-х гг.

...дедиковал мне свои переводы... — Каченовский посвятил Дмитриеву свой перевод «Афинских писем» (М., 1804);

...котомка, висящая на Пасквиновой статуе, — т. е. пасквиль; Пасквино — римский башмачник (XV в.), сочинявший язвительные эпиграммы на высокопоставленных лиц; в 1501 г. недалеко от дома Пасквино была установлена скульптура, на ней стали вывешивать сатирические надписи по типу тех, которые делал Пасквино; статуя получила название «pasquillo» («Маленький Пасквино»);

...с милым Иваном Петровичем... — отцом А. И. Тургенева.

А. И. Тургеневу. 18 мая 1806.

Мерзляков А. Ф. (1778—1830) — профессор Московского университета, теоретик искусства, поэт, автор песен, цитаты из которых вспоминает Дмитриев.

Плюгавый выползок... — автоцитата из эпиграммы «Ответ».

Дмитрий Николаевич — Блудов.

А. Х. Востокову. 23 декабря 1806.

А. Х. Востоков (1781—1864) — в первое 20-летие XIX в. известен как поэт, в 1820—1850 годы один из крупнейших русских филологов. В письме идет речь о стихотворениях Востокова из его книги «Опыты лирические...» (ч. 1—2. СПб., 1805—1806), подаренной Дмитриеву.

«Свиток муз» (1802—1803, кн. 1—2) — альманах, издававшийся Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств.

Перевод Руссовой кантаты... — «Цирцея. Седьмая кантата Ж.-Б. Руссо»;

...Вольхеровой сказки... — «Телема и Макары»;

...опыты с разных размеров... — были предприняты Востоковым как эксперимент по созданию русских аналогов античных стихотворных метров в ряде стихотворений.

А. И. Тургеневу. <Отрывок>. 24 октября 1809.

Сколько явилось трагиков... — 18 октября 1809 г. в Петербурге была поставлена трагедия Вольтера «Заира» в переводе Ю. А. Нелединского-Мелецкого, Н. И. Гнедича, М. Е. Лобанова, А. А. Шаховского, С. П. Жихарева;

...подобно великому Роде... — Вероятно, имеется в виду французский комедиограф Ж.-Ф. Роже, нередко сочинявший свои произведения в соавторстве.

Пушкин А. М. (1769—1825) — театрал-любитель, переводчик, известный остроумец; его перевод трагедии Расина «Федра» не был издан, перевод комедии Мольера «Тартюф» опубликован под названием «Ханжеев, или Лицемер» (М., 1809).

Кокошкин Ф. Ф. (1773—1838) — комедиограф, «Мизантроп» Мольера в его переводе поставлен в 1815—1816 гг. в обеих столицах;

...Пегас еще не отдохнул от вашего витязя. — Имеется в виду Д. И. Хвостов;

...и при последнем мире будет нам доля. — По окончании русско-шведской войны в 1809 г. к России отошла Финляндия, принадлежавшая Швеции.

Дансиор — танцор.

Жорж (Веймер М.-Ж.) (1787—1867) — французская актриса, выступавшая в Петербурге и Москве в 1808—1812 годах.

А. И. Тургеневу. 6 июня 1817.

«Об основаниях естественного законодательства» (СПб., 1815—1819, ч. 1—4) — пер. М. О. Карлевича;

...предназначение дневника «Отчелюбца»... — «Приступ к ежемесячному изданию под названием Любитель Отечества (Отчелюбец)» (СПб., 1816) — брошюра Карлевича, содержащая программу журнала, который он намеревался издавать.

Гераков Г. В. (1775—1838) — писатель, преподаватель истории в 1-м кадетском корпусе.

Батюшков К. Н. (1787—1855) — в конце 1816 г. отправился из Москвы в свое село Хантоново; летом 1817 г. приехал в Петербург;

...Вяземский у вас... — в Петербурге;

Староста «Арзамаса» — В. Л. Пушкин.

«Смоковница» — басня В. Л. Пушкина;

...день своего основания — 6 июня 1817 г. исполнилось 6 лет со дня высочайшего утверждения устава Общества любителей российской словесности при Московском университете; 15 июня состоялось торжественное заседание.

А. И. Тургеневу. 20 июля 1818.

Батюшков достиг своего желания — получил назначение на дипломатическую службу в Неаполь.

Дашков Д. В. (1788—1839) — критик, поэт участник «Арзамаса», после 1825 г. крупный сановник; в 1817—1820 гг. находился при Русской миссии в Константинополе;

Северин Д. П. — Опасения за его здоровье вызваны сообщением о переживаниях Северина («видел его в исступлении» — «Письма Карамзина», с. 241): 20 июня 1818 г. умерла его жена.

Московский профессор — Каченовский.

Калайдович — Константин Федорович, историк, археолог, или Петр Федорович, писатель, переводчик; у К. Ф. Калайдовича были разногласия с Каченовским по вопросам русской истории.

О положившем за брата белый шар... — Имеются в виду выборы в Российскую Академию Н. М. Карамзина (10 июля 1818); более ясному комментарию это место не поддается;

...буду ждать вашего братца... — Н. И. Тургенев (1789—1871), писатель-экономист, декабрист;

...благодарность мою за Франка. — Вероятно, О. Е. Франк;

...примечания казанского профессора... — Профессор Казанского университета Г. Н. Городчанинов составил примечания к 3-му изд. «Науки стихотворства» (СПб., 1818) — переводу поэмы Буало Д. И. Хвостовым;

...отзыв «Инвалида»... — В газете «Русский инвалид» (1818, № 156) был помещен похвальный отзыв на перевод Хвостова и примечания Городчанинова.

А. И. Тургеневу. 18 сентября 1818.

...не признаю Вас Гриммом. — Гримм Ф. М. (1723—1807) — немецкий публицист, критик, дипломат, вел обширнейшую переписку. «Дмитриев назвал его <Тургенева> маленьким Гриммом, а потом пилигримом, потому что он был деятельным литературным корреспондентом и разносителем в обществе всех новых произведений Жуковского, Пушкина и других» (Вяземский П. А. Полн. собр. соч., СПб., 1883, т. VIII, с. 273);

...молодому Пушкину.... — А. С. Пушкину.

Если вы будете писать к... Блудову... — Блудов пребывал в 1817—1820 гг. на дипломатической службе в Лондоне.

«Mémoires de l'abbé Georgel» — «Записки по истории событий конца XVIII века» (Париж, 1817, 6 т.) Ж.-Ф. Жоржеля (1731—1813) (Париж, 1817), которые отправил Дмитриеву Блудов из Лондона;

...братцу... — Н. И. Тургеневу.

П. А. Вяземскому. 7 октября 1818.

Вяземский с 25 августа 1817 г. служил в Варшаве;

...журнал Польского сейма. — Доставлен Вяземским Дмитриеву при письме от 3 декабря 1818 г.

бильбоке — игра привязанным к палочке шариком;

...речь в торжественном собрании — Дмитриев заранее знал, что Карамзин по случаю избрания его в члены Российской Академии должен произнести речь в ноябре 1818 г. (была произнесена 5 декабря 1818 г.);

президент — А. С. Шишков;
...профессор Московского университета — Каченовский;
князь Андрей Петрович — Оболенский.

А. И. Тургеневу. 17 октября 1818.

...ваше поручение. — Тургенев просил Дмитриева хлопотать о разрешении А. Н. Волконской перенести прах ее отца фельдмаршала Н. В. Репнина, для чего требовалось специальное разрешение Синодальной конторы.

Галиани Ф. (1728—1787) — государственный деятель, писатель, экономист; его частная переписка опубликована в 1818 г. в Париже.

...эпиграммы, хотя и не дурны... — 25 сентября 1818 г. Вяземский отправил А. И. Тургеневу 2 эпиграммы на Каченовского («Наш журналист и сух и тощ, как спичка...»); «Иссохлось бы перо твое бесплодно...»); 8 октября Тургенев послал их Дмитриеву (ОА, т. I, с. 128);

...первую книжку «Вестника»... — Здесь в №№ 2—6 за 1819 г. был помещен разбор предисловия к «Истории» Карамзина;

министр просвещения — А. Н. Голицын;

П. А. Вяземскому. 23 ноября 1818.

...прекрасные стихи... — «Петербург (Отрывок)», направлены Дмитриеву А. И. Тургеневым 22 октября (ОА, т. 1, с. 134).

Лас-Казас — Лас-Каз Э.-А.-Д. (1766—1842), автор записок, посвященных его пребыванию на о. Св. Елены, куда он удалился в 1816 г. вслед за Наполеоном, изданы в 1822—1824 гг. Дмитриев, видимо, считал, что записки Лас-Каза скоро выйдут из печати.

«Dictionnaire historique» — видимо, переиздание «Словаря исторического и критического» (1697) французского философа П. Бейля (1647—1706);

...вспомнили и палевые сливки... — В записках Лужницкого старца (Каченовского) было пародийно обыграно это выражение молодого Карамзина (ВЕ, 1818, № 20, с. 311).

Вера Федоровна — жена Вяземского.

А. И. Тургеневу. 8 декабря 1818.

в обществе любословесников — в Обществе любителей российской словесности при Московском университете; далее идет насмешливый рассказ о ходе торжественного собрания Общества 7 декабря 1818 г.; упомянуты «Речь о занятиях общества» А. А. Прокоповича-Антонского; «Речь о начале, ходе и успехах словесности» А. Ф. Мерзлякова; стихотворение П. И. Шаликова «Весна» (его читал П. С. Яковлев); сказка В. Л. Пушкина «Услад и Людмила», одним из персонажей которой является Печенег (кроме того, В. Л. Пушкин «читал чужие стихи» — перевод VII сатиры Буало М. А. Дмитриева и его же басню «Совет»), «Нина», отрывок из поэмы М. В. Милонова (а не Филимонова) «Надежда», читанный Ф. Ф. Кокошкиным; «Рассмотрение оды Ломоносова «Утреннее размышление о Божием величестве» П. Ф. Калайдовича; стихотворение С. Г. Саларева «Гробница», читанное П. С. Яковлевым;

князь Петр Иванович — Шаликов;

Болдырев А. В. (1780—1842) — профессор словесности Московского университета;

Дружинин П. М. (1764—1827) — адъюнкт Московского университета по кафедре естественной истории.

Филимонов В. С. (1787—1858) — поэт, в 1817—1819 гг. вице-губернатор в Новгороде.

Счастливые провинциалы! — Ирония Дмитриева относится к тому, что в одном ряду с Шиллером, Перро, Княжнинным перечислены имена писателей, малоизвестных даже в 1810-е годы.

А. И. Тургеневу. 19 мая 1819.

...вашу апологию. — Письмо Тургенева от 6 мая, в котором он объяснял некоторые черты своего характера («Русский архив», 1867, № 4);

произведение Вяземского — «Послание к Ивану Ивановичу Дмитриеву, приславшему мне свои сочинения»;

...предшествовавшее — статья Вяземского о Вольтере, не пропущенная цензурой.

Нонот — Нон-нот К.-Ф. (1711—1793) — противник Вольтера, автор книги «Заблуждения Вольтера» (1762);

...новая должность Николая Ивановича... — Н. И. Тургенев был назначен управляющим III отделением министерства финансов.

Авзония — Италия, где пребывал Батюшков.

«Некоторые мысли о сущности басни» — статья Д. И. Хвостова в «Соревнователе просвещения и благотворения» (1819, № 4).

Отечества и дым приятен! — неточная цитата из стихотворения Державина «Арфа».

А. И. Тургеневу. 8 марта 1820.

...от любезного поэта — Вяземского.

Вейдемейер И. А. (1752—1820) — сенатор, член Государственного совета;

...ровесник мой — Д. И. Хвостов.

...IV номер «Благонамеренного»? — «Рассказы Лужницкого старца и мои воспоминания о нем» (1820, № 4—5);

Кутузов — П. И. Голенищев-Кутузов.

Черепанов Н. Е. (1763—1823) — профессор истории Московского университета.

Наталья Яковлевна — Плюскова (ок. 1780—1845), фрейлина; поддерживала дружеские отношения с Дмитриевым с 1790-х годов.

П. А. Вяземскому. 16 марта 1820.

...эпистола — «Послание к <...> Дмитриеву» Вяземский первоначально направил А. И. Тургеневу, но просил пока не печатать: «Разве вы не знаете Дмитриева? Мне нужно прежде ему от себя послать стихи, а там просить позволения их печатать» (ОА, т. I, с. 234).

А. И. Тургеневу. 18 августа 1820.

...за ваше письмо — от 23 июля;

...стихов В. А. Жуковского... — «Подробный отчет о луне».

Переводы *Воейкова*, упомянутые Дмитриевым — «Сады» Ж. Делиля (М., 1816) и «История царствования Людовика XIV и Людовика XV» Вольтера (М., 1809).

Жаль, что он оставил университет... — Воейков преподавал русскую словесность в Дерптском университете (1816—1820);

...Василию Андреевичу... счастливого пути... — осенью 1820 г. Жуковский отправился за границу.

Шиллер И. Ф. (1759—1805), *Клейст* Г. (1777—1811), *Виланд* К. М. (1733—1813) — этим перечнем Дмитриев намекает на особенный интерес Жуковского к немецкой литературе.

«Оберон» — фантастическая поэма Виланда;

...ни Воейков, ни прочие. — В 1820 г. Воейков стал соиздателем журнала «Сын отечества» (совместно с Н. И. Гречем).

Дрягиль — вьючный рабочий.

Положение Николая Михайловича... — Карамзин был болен летом 1820 г.

С. С. Уваров (1786—1855) — литератор, участник «Арзамаса», с 1833 г. министр народного просвещения.

А. И. Тургеневу. 19 сентября 1820.

...в разборе Воейкова — статья А. Ф. Воейкова о «Руслане и Людмиле» («Сын отечества», 1820, № 34—37).

Как же мне хотеть унижать талант его? — В это время Дмитриев еще не читал всей поэмы Пушкина, зная ее только по опубликованным в «Сыне отечества» фрагментам. «На сих днях явится в свет поэма молодого Пушкина, — писал А. И. Тургенев Дмитриеву 23 июля 1820 г. — Не смею послать вам ее, ибо вы, как слышу, осудили ее, по отрывкам, на полное ничтожество» («Русский архив», 1867, с. 659).

П. А. Вяземскому. <Отрывок>. 18 октября 1820.

La mère en défendra... — цитата из комедии А. Пирона «Метромания» с заменой слова *prescria* (предпишет) на *défendra* (запретит).

Катенин П. А. (1792—1853) — поэт, критик; его сочли автором «Письма к сочинителю критики на поэму «Руслан и Людмила» («Сын отечества», 1820, № 38; автором был Д. П. Зыков).

Антон Антонович — Прокопович-Антонский.

П. А. Вяземскому. <Отрывок>. 3 февраля 1821.

...эпистолу вашу... — «Послание к М. Т. Каченовскому» («Сын отечества», 1821, № 2), написанное в защиту Карамзина;

...один Пушкин — Василий Львович;

...другой Пушкин — Алексей Михайлович;

поэт В... — А. А. Волков.

...Каченовский напечатал ее... — Каченовский перепечатал послание Вяземского под названием «Послание ко мне от Вяземского» (ВЕ, 1821, январь, № 2) со своими язвительными примечаниями;

...под острие тупого жала и далее — критика выражений из послания Вяземского.

А. С. Шишкову. 22 мая 1821.

А. С. Шишков (1754—1841) — адмирал, писатель, инициатор полемики о старом и новом слоге, организатор «Беседы любителей русского слова» (1811—1816), государственный секретарь (1812—1814); министр народного просвещения (1824—1828), президент Российской Академии (1813—1841).

Я не позабыл поручения... — Шишков просил прислать перевод «Георгик» Вергилия, выполненный С. Е. Раичем (Амфитеатровым) (1792—1855).

А. С. Шишкову. 26 июля 1821.

Я и сам не могу спокойно встречать... — Дмитриев к началу 1820-х годов в определенной степени солидаризировался с Шишковым в ряде литературно-языковых вопросов, но данное высказывание, может быть, скрывает иронию. Шишкову непонятную:

Вот и Чу — это «арзамасские» прозвища В. Л. Пушкина и Д. В. Дашкова, самых активных оппонентов Шишкова в начале 1810-х годов.

В. А. Жуковскому. 18 февраля 1823.

Ответ на письмо Жуковского от 11 февраля (к письму был приложен портрет Гете).

Напрасно... хотите оживить самолюбие в старике... — Жуковский в своем письме лестно отзывался об апологах Дмитриева.

Что же касается до записок... — Жуковский призывал Дмитриева писать воспоминания.

Шаховской Я. П. (1705—1772) — сенатор, автор «Записок о своей жизни» (1-е изд. — 1810).

В. В. Измайлову. 7 августа 1825.

Карамзин... посещал — пересказаны письма Карамзина Дмитриеву от 9 и 31 июля; поездка Карамзина в военные поселения (начальником их был Аракчеев) состоялась по желанию Александра I; Карамзин, несмотря на «ласку» Аракчеева, остался при отрицательном отношении к военным поселениям;

...записок г-жи Жанли... — Записки (1825—1828, 8 т.) французской писательницы С.-Ф. Жанлис (1746—1830) разочаровали всех, так как в основном это были не ожидавшиеся мемуары, а ранее уже опубликованные ее произведения.

Не пропускает ни Вольтера... — Полн. собр. соч. Вольтера, выпускавшееся в Париже (1825—1832) в 96 книжках форматом in 8°;

...ни Прада... — Прадт Д. Д. (1759—1837) — французский публицист и дипломат, духовник Наполеона;

...ни Аннюара политического... — «Ежедневник политических событий», выходивший в Париже (1818—1861);

«Дон Алонзо» (1824) — исторический роман Н. де Сальванди (1796—1856);

...новое издание Белева словаря... — «Словарь исторический и критический П. Бейля» (Париж, 1820—1824, т. 1—16);

фолликлёры (фр.) — борзописцы;

Писарев А. А. (1780—1848) — генерал-лейтенант, литератор, автор послания к И. И. Дмитриеву («Северный Меркурий», 1805, № 2);

...в июне побывал в отчизне — в Сызрани.

Три части записок — «Взгляд на мою жизнь».

«Телеграф» — Когда Н. А. Полевой начал издание «Московского телеграфа» (1825), Дмитриев сочувственно отнесся к журналу, даже поместил в нем басню «Дети и мыльные пузыри»; но после критических выступлений Полевого против Карамзина и карамзинизма отрицательные отзывы Дмитриева о нем не прекращались.

П. А. Вяземскому. 5 июля 1826.

...при чтении вашей приписки... — Приписка Вяземского к письму Е. А. Карамзиной от 22 июня 1826 г.;

...в отношении к моей потере. — 22 мая умер Карамзин.

Катерина Андреевна — жена Карамзина.

...Каченовский напечатал в своем «Вестнике»... — ВЕ, 1826, май—июнь.

Писарев А. А. — см. комм, к предыдущему письму.

П. А. Вяземскому. 6 ноября 1830.

Письмо ваше... — от 30 октября 1830 г.

Первые дни... посещения холеры... — В 1830 г. в Москве была эпидемия холеры;

...после утреннего отчета Погодина... — Во время эпидемии с 27 сентября 1830 г. по 6 января 1831 г. М. П. Погодин совместно с медиком М. А. Маркусом (1790—1865) издавал бюллетень «Ведомости о состоянии города Москвы»;

...у ближайшей соседки... — Гурьевой;

биографию Фонвизина... — Во время эпидемии Вяземский жил в своем имении Остафьево, работая над книгой «Фон-Визин» (СПб., 1848);

...приняться за историю нашей словесности. — В письме от 30 октября Вяземский писал о «большой охоте» «написать обозрение русской словесности»;

...послужной список Новикова и Греча... — «Опыт исторического словаря о российских писателях» (1872) Н. И. Новикова и «Опыт краткой истории русской литературы» (1822) Н. И. Греча;

...боюсь взять вашу сторону в пользу моих учителей... — В письме от 30 октября Вяземский высоко отзывался о русских писателях XVIII в., «которые, право, лучше нас, по крайней мере, сочнее» (Вяземский П. А. Письма к И. И. Дмитриеву. СПб, 1898, с. 20).

«Петербургский Меркурий» — «Северный Меркурий», газета М. А. Бестужева-Рюмина (СПб., 1830—1832);

...сравнил его с германскою певицею... — В 1830 г. в Петербурге гастролировала Г. Зонтаг (1806—1854); в «Северном Меркурии» (1830, 8 октября) были опубликованы стихи Д. И. Хвостова «На последнее в Петрополе пение знаменитой Зонтаг...»; в заметке издателя, сопровождавшей стихи, Зонтаг была названа «соловьем германским», а Хвостов — «нашим Северным соловьем».

Ушаков В. А. (1789—1838) — писатель; известность ему принесла повесть «Киргизкайсак» (1830).

А. С. Пушкину. 3 января 1831.

Пушкин с декабря 1830 г. находился в Москве и 3 января отправил Дмитриеву экземпляр только что отпечатанной трагедии «Борис Годунов»; Дмитриев немедленно отвечал данной запиской.

П. А. Вяземскому. 13 января 1831.

«Телескоп» (1831—1836), издатель Н. И. Надеждин.

«Молва» (1831—1836) — приложение к «Телескопу».

«Дамский журнал» (1823—1833), издатель П. И. Шаликов.

«Литературная газета» (1830—1831) — редактор А. А. Дельвиг, после его смерти, с № 65, О. М. Сомов; в организации и редактировании газеты участвовали А. С. Пушкин и Вяземский.

Меццесская Е. Н. (1806—1867) — дочь Карамзина;

...сор душевных впечатлений... — неточная цитата из стихотворения С. П. Шевырева (1806—1864) «В альбом В. С. Топорниной» (1829).

А. С. Пушкину. 1 февраля 1832.

...альманах — «Северные цветы на 1832 г.»;

...цветы собственной вашей оранжереи... — стихотворения А. С. Пушкина «Царско-сельская статуя», «Труд», «Рифма», «Анчар», «Бесы», «Делибаш», «Дорожные жалобы», «Эхо» и сцены I, II «Моцарта и Сальери» («Северные цветы на 1832 г.») вышли затем отдельным оттиском;

...песнь «Онегина»... — 8-я глава «Евгения Онегина» вышла 20 января 1832 г.;

«Пчела» — «Северная пчела» (1825—1864), официальная газета, издававшаяся Ф. В. Булгариным и Н. И. Гречем; нападала на Пушкина и пушкинский круг писателей; но в рецензии на «Северные цветы» был дан похвальный отзыв: «Давным-давно не было печатано таких прелестных стихов Пушкина... Ожил!» («Северная пчела», 1832, 25 января);

...прочитал прекрасные стихи его уже в печати... — 16 октября 1831 г. Жуковский отправил Дмитриеву послание (в «Северных цветах на 1832 г.» опубликовано с названием «Ответ Ивану Ивановичу Дмитриеву»);

...новейшую поэзию его в альманахе... — «Сражение со змеем».

«Европеец» — журнал И. В. Киреевского начал выходить в Москве в 1832 г., с 3-го номера запрещен по распоряжению Николая I; в «Европейце» Жуковский напечатал «Сказку о спящей царевне» (№ 1), отрывок из «Войны мышей и лягушек».

П. А. Вяземскому. 9 апреля 1832.

...*третий том его стихотворений* — «Стихотворения Пушкина». СПб., 1832, ч. 3;

...*прикупкою шести книжек «Онегина»...* — «Евгений Онегин» выходил по главам в 1825—1831 гг.

Софья Николаевна Карамзина (1802—1856) — дочь Карамзина от первого брака с Е. И. Протасовой;

...*двум новым министрам...* — В 1832 г. Д. Н. Блудов был назначен министром внутренних дел, Д. В. Дашков — министром юстиции.

П. А. Вяземскому. 5 января 1833.

...*благодарю...* за... *письмо* — от 31 декабря 1832;

с *достижением... нового звания.* — 21 октября 1832 г. Вяземский назначен вице-директором департамента внешней торговли; до этого был чиновником особых поручений министерства финансов;

...*адажио и фугу двух провозвестников новолетия...* — «Стихи на новый 1833 год»

П. И. Шаликова и стихотворение С. Н. Глинки «Государю императору. Приветствие в Купеческом собрании накануне Нового года» («Московские ведомости», 1833, № 1, 4 января);

...*дородности нового календаря...* — в том же номере «Московских ведомостей» было помещено объявление о выходе Месяцеслова на 1833 год;

...*вторым томом «Орландо»...* — «Неистовый Орланд», пер. С. Е. Раичем поэмы Ариосто;

...«*Системою преподавания словесности*». — «Система российской словесности» (М., 1832) И. И. Давыдова, профессора Московского университета.

Гримм — А. И. Тургенев;

...*можете... сказать, что я был и есть все тот же...* — А. И. Тургенев жил с июня 1831 по апрель 1832 г. в Москве и, вновь отправившись за границу, писал Вяземскому, что огорчен холодностью к нему Дмитриева, о чем и сообщил Вяземский Дмитриеву.

Балланиш П. С. (1776—1847) — французский писатель, философ.

Шатобриан Ф. Р. (1768—1848) — французский писатель.

Насилу досказал — цитата из «Причудницы».

П. П. Свиньину. 11 февраля 1834.

П. П. Свиньин (1787—1839) — литератор, издатель «Отечественных записок» (1818—1830).

«Ученые записки императорского Московского университета» (1833—1836), редактировались И. И. Давыдовым и В. М. Перевощиковым.

«Библиотека для чтения» (1834—1865) — первый «толстый» журнал в России (до 30 печатных листов), в 1834—1841 гг. издавался А. Ф. Смирдиным, редактировался А. О. Сенковским;

...*покамест..., обломки... эпической поэмы...* — Выражения из повести Сенковского «Вся женская жизнь в нескольких часах» (под псевдонимом «Барон Брамбеус») и его же статьи «Скандинавские саги» («Библиотека для чтения», 1834, № 1, отд. I, с. 45, 54; отд. III, с. 43).

Плаксин В. Т. — автор «Руководства к познанию истории русской литературы» (СПб., 1833).

Мудрено ли же и поляку — Сенковскому.

Александр Семенович — Шишков.

А. С. Пушкину. 4 марта 1835.

...за действительную вам укоризну. — В письме сыну Карамзина Дмитриев замечал, что Пушкин не подарил ему «Историю Пугачева» (СПб., 1834); Пушкин, узнав об этом, сообщал Дмитриеву 14 февраля 1835 г., что «поджидал портрет Емельяна Пугачева, который гравировается в Париже».

Панглос — герой повести Вольтера «Кандид»;

...весть о моем сверстнике... — О Д. И. Хвостове Пушкин писал 14 февраля: «Современник ваш <...> здравствует и продолжает посещать книжную лавку Смирдина ежедневно, а академию по субботам. В лавке забирает он свои сочинения, все еще не распроданные, и раздает их в академии своим сочленам с трогательным бескорытием;

...до свежей нашей потери... — 9 января 1835 г. умер непреременный секретарь Академии наук П. И. Соколов;

...но бдит еще Языков. — Предсказание Дмитриева сбылось: непререемым секретарем был избран Д. И. Языков.

Катерина Андреевна — вдова Карамзина.

В. А. Жуковскому. 13 марта 1835.

...не дайте восторжествовать школам Смирдина и Полевого над языком Карамзина. — Характерный для писем Дмитриева 30-х гг. призыв к литературной борьбе против «Библиотеки для чтения» и «Московского телеграфа»;

...серьезно и наивно — от фр. наречий *sérieusement, naïvement*.

Йориков коран — «Коран, или Жизнь, характер и чувства Лаврентия Стерна». СПб., 1809, ч. 1—3, перевод отрывков из произведений Л. Стерна с прибавлением биографических сведений об авторе;

Йорик — герой произведений Стерна «Сентиментальное путешествие» и «Жизнь и мнения Тристама Шенди».

«Путешествие» академика Зуева — «Путешественные записки... от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781—1782 гг.» (СПб., 1787) В. Ф. Зуева (1754—1794), естествоиспытателя, путешественника;

...один профессор называет слог Карамзина идиллическим — В. Т. Плаксин в «Руководстве к познанию истории литературы» (СПб., 1833, с. 266, 319).

А. С. Пушкину. 10 апреля 1835.

...гостинец — «История Пугачева».

Кто же секретарь Академии? — Секретарем был назначен Д. И. Языков.

А. С. Пушкину. 5 мая 1836.

...важность вашей потери... — смерть матери, Н. О. Пушкиной.

Сергей Львович — отец А. С. Пушкина;

Языков Н. М. (1803—1846/47) — поэт.

«Ночной смотр» — пер. баллады И. Х. фон Цедлица (Зейдлица) Жуковским (опубл. без указания источника — «Современник», 1836, кн. I); о чем переводе идет речь в письме Дмитриева, неясно.

П. А. Вяземскому. 18 декабря 1836.

...посылку мою в вашем сборнике. — Вяземский в письмах Дмитриеву 1836 г. просил направлять ему выписки из воспоминаний Дмитриева о Державине, Петрове, Карамзине для его сборника «Старина и Новизна» (издание не было осуществлено).

«Живописное обозрение» (1835—1844) — научно-популярный иллюстрированный журнал.

Белинский В. Г. (1811—1848) с лета 1835 г. редактировал «Молву» и «Телескоп» в связи с отъездом Н. И. Надеждина за границу;

...предисловие переводчика... — предисловие Н. М. Карамзина воспроизведено в статье Белинского «Русская литературная старина» («Телескоп», 1835, ч. XXIX, №№ 17—20).

А. Ф. Воейков, издатель «Литературных прибавлений» к газете «Русский инвалид», перепечатал это предисловие («Лит. прибавления...», 1836, № 94—95, 21 ноября);

...преследователь двух рыцарей нашего времени... — «Рыцарь нашего времени» — повесть Карамзина (1803); здесь имеются в виду Н. А. Полевой и А. О. Сенковский, с которыми резко полемизировал Воейков;

Я держусь новизны... — Вяземский писал Дмитриеву 9 декабря 1836 г.: «Пушкин советует мне назвать «Старина и Новизна».

Гримм Балланшьич — А. И. Тургенев;

В. А. Жуковскому. 26 марта 1837.

...письмо и милый подарок... — Письмо от 12 марта; отправлено 16 марта вместе с переведенной гекзаметром повестью Фуке де ла Мотта «Ундина»;

...восемь томов — издание сочинений Жуковского, отправленное им Дмитриеву (9-й том вышел в 1837 г.).

Речет: да гибнет враг... — Из послания В. П. Петрова к П. А. Румянцеву (1775);

...такого с ним катастрофа? — 27 января состоялась дуэль Пушкина и Дантеса; 29 января Пушкин умер;

отец, дед — Сергей Львович Пушкин, отец поэта.